

Призрак Оперы

Автор:

[Гастон Леру](#)

Призрак оперы

Гастон Леру

Книга в сумочку

Этот роман известен прежде всего благодаря мюзиклу Эндрю Ллойда Уэббера. Романтика, приключения, детектив – кажется, Гастон Леру собрал в своем романе все жанры. Итак – Парижская Опера. С некоторых пор здесь происходит нечто странное: падают люстры, рушатся декорации, пропадают вещи, то и дело сотрудники театра вздрагивают от необычных звуков. Ходят слухи, что все это – дело рук таинственного Призрака. Кто он, этот злой гений парижского театра? Существует ли он на самом деле или все, что о нем рассказывают, – лишь мрачные легенды?

Гастон Леру

Призрак оперы

Gaston Leroux

LE FANT?ME DE L'OPERA

© Н. Световидова, перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моему старшему брату Джо, который, не имея ничего общего с призраком, был тем не менее, как Эрик, ангелом музыки.

Предисловие,

в котором автор этого загадочного произведения повествует о том, как он убедился в существовании Призрака Оперы

Призрак Оперы существовал на самом деле. Он не был, как считали долгое время, плодом суеверного воображения артистов и директоров, нелепым созданием фантазии кордебалета, горничных, гардеробщиц и консьержки.

Да, он существовал во плоти, хотя был похож на настоящий призрак, иными словами, на тень.

С того самого дня, когда я начал раскопки в архивах Национальной академии музыки, меня поразило удивительное совпадение явлений, связанных с призраком, и событий самой загадочной, самой фантастичной драмы, и довольно скоро мне пришла мысль, что эти события и эти явления самым естественным образом связаны между собой. Всего лишь три десятка лет отделяют нас от тех таинственных событий, и до сих пор можно встретить в этой обители музыки старичков, достойных всякого уважения, которые помнят – как будто речь идет о вчерашнем дне – непонятные и трагические обстоятельства, сопровождавшие похищение Кристины Даэ, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата, графа Филиппа, чье тело было найдено на берегу озера, скрытого в подземельях Оперы, неподалеку от улицы Скриба[1 - Скриб, Эжен (1791-1861) – французский драматург и либреттист.]. Однако до сих пор ни одному из этих очевидцев не приходило в голову связать с этими событиями образ Призрака Оперы.

Истина долго и трудно доходила до моего сознания, не на шутку озабоченного расследованием, которое то и дело наталкивалось на события и факты, на первый взгляд сверхъестественные, и я не раз собирался забросить это хлопотное и бесперспективное занятие, отчаявшись напасть хоть на какой-то след. Наконец у меня появились первые доказательства, что предчувствия не обманули меня, и скоро усилия мои были вознаграждены, когда в один прекрасный день я убедился окончательно, что Призрак Оперы был не просто бесплотной тенью.

В тот день я много часов провел в обществе «Мемуаров директора Оперы», весьма поверхностного произведения скептика Моншармена, который за время своей службы в Опере так ничего и не понял в загадочных поступках призрака, потешался над ним до того самого момента, когда сам стал первой жертвой курьезной финансовой операции, связанной с «магическим конвертом».

Утомленный и разочарованный, я уже выходил из библиотеки, как вдруг увидел добрейшего администратора нашей Национальной академии, о чем-то болтавшего на ступенях лестницы с невысоким, бойким и кокетливым старичком, которого он не замедлил мне представить. Господин администратор был в курсе моих изысканий и знал, с каким пылом и как безуспешно я пытаюсь выяснить местопребывание судебного следователя по громкому делу Шаньи, господина Фора. Никто не знал, что с ним стало: жив он или умер; и вот теперь, прожив пятнадцать лет в Канаде, он вернулся в Париж и первым делом пришел к администратору попросить бесплатный билет на вечерний спектакль. Именно господин Фор и стоял сейчас на ступенях лестницы. Я провел с ним почти весь вечер и услышал в его изложении факты того давнего дела Шаньи. За неимением других доказательств он пришел к заключению о безумии виконта и о гибели его старшего брата в результате несчастного случая, однако оставался при убеждении, что между братьями произошла ужасная драма, причиной которой была Кристина Даэ. Он не смог мне сказать, что случилось с Кристиной и с виконтом. И, разумеется, когда я завел разговор о призраке, он только расхохотался в ответ. Он тоже слышал о таинственном существе, которое будто бы избрало местом жительства подземелья Оперы, знал он и историю с «конвертом», но не находил в этом никакой связи с делом Шаньи. Правда, однажды ему довелось выслушать показания свидетеля, утверждавшего, что он встречался с призраком. Этим свидетелем был человек, которого весь Париж называл Персом и которого хорошо знали завсегдатаи Оперы. Конечно же, господин следователь принял его за чудака, страдающего галлюцинациями. Как вы можете себе представить, я чрезвычайно заинтересовался этим Персом и во что бы то ни стало захотел разыскать столь ценного свидетеля. Мне повезло:

я нашел его в маленькой квартирке на улице Риволи, в которой он жил с незапамятных времен и в которой умер пять месяцев спустя после моего визита.

Вначале я отнесся к нему с недоверием, но, когда Перс с детской искренностью поведал мне все, что знал о призраке, и передал в мое полное распоряжение свидетельства его существования, в частности удивительные письма Кристины Даэ, повествующие о ее необычной судьбе, я не мог более сомневаться: призрак не был мифом.

Позже мне возражали, что письма эти могли быть и не подлинными, что их с первого до последнего слова мог сочинить человек с богатым воображением, однако мне удалось раздобыть образец почерка Кристины. Я сравнил его с тем, которым были написаны знаменитые письма, и последние мои сомнения рассеялись окончательно.

Кроме того, я навел подробнейшие справки о Персе и убедился в его честности и в том, что он не мог сочинить такую фантастическую историю с намерением ввести в заблуждение правосудие.

Это же подтвердили весьма известные лица, которые в той или иной мере были связаны с делом Шаньи, близкие друзья этой достойной семьи. Я познакомил их с результатами своих исследований и своими выводами, к которым они отнеслись очень благосклонно, и в этой связи я позволю себе процитировать письмо, адресованное мне генералом Д.:

«Сударь!

Я не стал бы спешить с публикацией результатов Вашего расследования. Я помню, как за несколько недель до исчезновения великой актрисы Кристины Даэ и драмы, повергнувшей в траур все предместье Сен-Жермен, в Опере много говорили о призраке, и разговоры эти прекратились только после известного Вам дела. Однако, если есть возможность – в чем я убедился после встречи с Вами – дать новое толкование этой драмы, я не возражаю против Вашей версии призрака: как бы загадочна она ни была, она все-таки более разумна, нежели та темная и неприглядная история, в которую недобросовестные люди впутали двух братьев, обожавших друг друга всю свою жизнь... Примите уверения и пр.».

Наконец, захватив с собой пухлое досье, я вновь появился в обширных владениях призрака – в чудовищном сооружении, которое он считал империей, и все, что я увидел здесь своими собственными глазами, все, что угадывал мой разум, подтверждало свидетельства Перса, и, наконец, венцом моих долгих трудов стала одна удивительная находка.

Многие помнят, что недавно, когда в подземельях Оперы производили захоронение записанных на фонографе голосов артистов, один из рабочих наткнулся на труп, и я сразу увидел на нем доказательство того, что то был труп Призрака Оперы! Я сунул это доказательство под нос администратору, так что пусть теперь газеты болтают, что в подземельях нашли жертву Коммуны.

Несчастных, которых во время Коммуны расстреливали в этих подвалах, хоронили совсем в другом месте. Я мог показать, где покоятся их скелеты – в другой стороне, далеко от этого огромного склепа, в котором в те годы хранились запасы провизии.

Мы еще поговорим об этом трупе и о том, как с ним поступить, а пока пора заканчивать это пространное, но совершенно необходимое предисловие и поблагодарить за помощь и поддержку господина комиссара полиции Мифруа (который первым вел дело об исчезновении Кристины Даэ), бывшего секретаря Реми, бывшего администратора Мерсье, бывшего хормейстера Габриеля и в особенности мадам баронессу Кастелло-Барбезак, которая когда-то была «малышкой Мэг» (и которая, кстати, этого не стыдится), самую прелестную звездочку нашего великолепного кордебалета, старшую дочь почтенной мадам Жири, покойной билетерши ложи призрака, – одним словом, тех, кто дал мне возможность пережить вместе с читателем минуты чистейшего счастья и ужаса.

Я бы чувствовал себя неблагодарным, не выразив, в преддверии этой жуткой и невыдуманной истории, признательность нынешней дирекции Оперы, которая благосклонно отнеслась к моим исследованиям, в частности, господину Мессаже, администратору Габриону и архитектору, до сих пор заботящемуся о сохранении этого величественного сооружения, который, не задумываясь, одолжил мне рукописи Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что не получит их обратно. Наконец, мне остается отметить благородство моего друга и бывшего сотрудника господина Ж.-Л. Кроза, который предоставил в мое распоряжение театральную библиотеку и уникальные издания, которыми он очень дорожил.

Глава I

Призрак?

В тот вечер, когда директора Оперы Дебьен и Полиньи давали банкет по случаю своей отставки, в артистическую уборную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетела стайка девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно попискивали.

Сорелли, собравшаяся хотя бы ненадолго побыть в одиночестве и повторить прощальную речь, которую ей предстояло произнести перед господами отставными директорами, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, толпившуюся в дверях. Первой заговорила малышка Жамм – носик во вкусе Гревена[2 - Гревен (1827–1892) – художник-карикатурист.], глаза-незабудки, розовые щечки, лилейная шейка, – которая сумела вымолвить только два слова дрожащим, хриплым от ужаса голосом:

– Там призрак! – И тут же закрыла дверь на ключ.

Уборная Сорелли была обставлена роскошно и вместе с тем донельзя банально: на стенах гравюры – память о матери, заставшей еще прекрасные времена старой Оперы на улице Ле Пелетье. Портреты Вестриса, Гарделя, Дюпона, Биготтини. Но эта комната казалась настоящим дворцом для юных балерин, которые размещались в общих уборных, где они пели, дурачились, ссорились, колотили парикмахеров и костюмерш и баловались черносмородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной и, услышав слова малышки Жамм, вздрогнула и проговорила:

– Бедняжка!

И поскольку она больше других верила в привидения вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли нетерпеливо затормошила девочек:

– Так вы его видели?

– Вот так же близко, как вас! – закатила глаза малышка Жамм и без сил опустилась на стул.

– Бр-р! Это просто чудовище! – подхватила младшая Жири, хрупкое создание с живыми карими глазками, иссиня-черными волосами и смуглой кожей, плотно обтягивающей худенькое тельце.

– О! Чудовище! – хором выдохнули балерины и затараторили, перебивая друг друга.

Призрак предстал их взору в виде господина в черном, который неожиданно появился в коридоре неведомо откуда, как будто вышел из стены.

– Да ну вас, – сказала одна из них, сумевшая сохранить хладнокровие. – Всюду вам мерещится призрак.

По-своему она была права: вот уже несколько месяцев в Опере только и было разговоров, что о призраке в черном фраке, который, как тень, прогуливался по огромному зданию, ни с кем не заговаривая, с которым, впрочем, никто и не посмел бы заговорить и который исчезал, будто испарялся, завидев человека. Передвигался он неслышно, как и подобает настоящему призраку. В конце концов некоторые начали посмеиваться над этим оборотнем, одетым как светский человек или как служащий похоронного бюро, причем больше всех смеялись те, кто боялся призрака по-настоящему. Зато среди девушек из кордебалета легенда разрослась до невероятных размеров. Они в один голос утверждали, будто видели это сверхъестественное существо и даже были жертвами его козней. Когда он не попадался на глаза, он обнаруживал свое присутствие необычайными событиями, виновником которых его сделало почти всеобщее суеверие. Любая шутка, любой розыгрыш, даже исчезновение пуховки для пудры у кого-то из балерин, – вменялись в вину призраку, Призраку Оперы!

Но кто вообще его видел? В Опере можно встретить множество фраков, и ничего призрачного в них нет, но этот обладал особым качеством, не присущим обычным фракам: он был надет на скелет.

По крайней мере, так утверждали девушки, добавляя, что вместо головы у него на плечах был голый череп!

Наверняка можно было сказать только то, что образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший машинист сцены: он единственный видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом – нельзя сказать: нос к носу, так как носа у того не было – возле самой рампы, на узкой лестнице, спускавшейся прямо в подземелье. Он видел его одну секунду, но запомнил во всех подробностях.

Вот какими словами рассказывал Жозеф Бюкэ о призраке всем, кто хотел его послушать:

– Это человек жуткой худобы, и его фрак болтается на костях, как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачков вообще не видно, видны только две большие черные дыры в черепе. Кожа, как на барабан, натянута на костяк, она вовсе не белая, а какого-то мерзкого желтого цвета, вместо носа – еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и само это отсутствие носа являет собой отвратительное зрелище. Вместо волос несколько длинных черных прядей, свисающих на лоб и за ушами.

Жозеф Бюкэ бросился вслед за странным существом, но оно исчезло, как по волшебству, не оставив никаких следов.

Старший машинист был человек серьезный, рассудительный, лишенный воображения, не болтун и, самое главное, непьющий. Его рассказ выслушивался с почтительным удивлением и интересом, и вскоре нашлись другие люди, которым также встречался скелет в черной одежде и с черепом вместо головы.

Когда эти слухи дошли до людей здравомыслящих, они вначале заявили, что над Жозефом Бюкэ подшутил кто-то из его подчиненных. Но потом, одно за другим, произошли события, настолько странные и настолько необъяснимые, что и скептики начали беспокоиться.

Во-первых, случай с бравым бригадиром пожарных, который, как известно, не боится ничего, а уж огня тем паче.

Так вот, однажды этот пожарный спустился в подземелья проверить, все ли там в порядке, и, очевидно, зашел несколько дальше, чем обычно; через некоторое время он выскочил на сцену испуганный, дрожащий, выпучив глаза, и едва не потерял сознание на руках доблестной матушки малышки Жамм. Оказалось, что там, в потемках, он увидел, что к нему приближается горящая голова, у которой не было тела. А ведь я уже говорил, что бригадир пожарных даже огня не боится!

Этого бригадира звали Папен.

Кордебалет был в смятении. Прежде всего потому, что огненная голова никак не отвечала описанию призрака, которое дал Жозеф Бюкэ. Еще раз хорошенько допросили пожарника, потом снова старшего машиниста, и в результате девушки пришли к выводу, что призрак имеет несколько голов и меняет их, когда ему вздумается. Разумеется, опасность от этого возрастала многократно. Раз уж бригадир пожарников лишился чувств, что же говорить о бедных девочках, которые в ужасе бежали прочь на своих быстрых ножках от любого слабо освещенного места в коридорах.

Ввиду всей серьезности положения, чтобы хоть как-то защитить здание от ужасных козней, сама Сорелли, сопровождаемая всеми танцовщицами и даже девчушками из младших классов, на следующий же день после случая с бригадиром пожарных собственноручно возложила на стол, который стоял в вестибюле административного корпуса, железную подкову: к ней должен был прикоснуться всякий, входивший в Оперу, – разумеется, исключая зрителей, – прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Это было необходимо, чтобы не оказаться добычей оккультных сил, которые овладели зданием вплоть до самых глубоких подвалов!

Я не выдумал эту подкову, как, впрочем, и всю эту историю, и до сих пор ее можно увидеть в вестибюле на столе перед комнатой консьержки, когдаходишь в Оперу через служебный вход.

Вот в каком настроении пребывали девушки в тот вечер, когда мы вместе с ними вошли в артистическую уборную Сорелли.

– Там призрак! – вскричала, как уже говорилось, малышка Жамм.

После испуганных восклицаний и сбивчивых рассказов воцарилось леденящее молчание. Слышалось только дыхание перепуганных девушек. Потом Жамм в непритворном ужасе забила в самый дальний угол и прошептала:

- Послушайте!

И всем показалось, что за дверью действительно что-то зашуршало.

Никаких шагов – только что-то вроде шороха шелковых одежд, коснувшихся стены. Потом все стихло. Сорелли, собрав все свое мужество, приблизилась к двери и слабым голосом спросила:

- Кто там?

Ответа не последовало.

Тогда, чувствуя на себе напряженные взгляды балерин, она сделала над собой усилие и произнесла громко и резко:

- Кто-нибудь есть за дверью?

- Да, да! Конечно, есть! – поспешно прошептала востроглазая Мэг Жири, схватив Сорелли за газовую юбку. – Только не открывайте! Ради бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, решила-таки повернуть ключ и приоткрыла дверь; юные балеринки стояли, сбившись в кучу, возле туалетной комнаты, а Мэг Жири шептала:

- Мамочка моя!

Между тем Сорелли храбро выглянула в коридор. Он был пустынен; газовый рожок в стеклянной оболочке скупно освещал красноватым светом потемки, не в силах разогнать их. Балерина вздохнула с облегчением и снова закрыла дверь.

- Никого там нет.

– Но мы же его видели! – испуганно проговорила Жамм, с опаской подходя к Сорелли. – Он, должно быть, бродит где-то поблизости. Я даже боюсь идти переодеваться. Надо нам всем вместе спуститься в зал, поприветствовать директоров и сразу вернуться.

С этими словами девушка боязливо коснулась висевшего на шее крохотного кораллового талисмана, который должен был охранить ее от несчастий. А Сорелли украдкой, кончиком розового ногтя правого большого пальца, очертила крест святого Андрея на деревянном колечке, охватывающем безымянный палец левой руки.

Один известный журналист писал о ней так:

«Сорелли – высокая, красивая танцовщица с серьезным сладострастным лицом, гибкая, как ива, в театре все говорят о ней, что она «красавица». Золотистые белокурые волосы обрамляют высокий лоб, ниже которого сияют изумрудные глаза. Голова ее плавно покачивается на длинной, точеной и горделивой шее. Во время танца она делает такое неуловимое движение бедрами, от которого по всему ее телу проходит волнующая дрожь. Когда она поднимает руки и слегка приседает, перед тем как сделать пируэт, высовывается все, что скрыто под туго натянутым корсажем этой обольстительной женщины, и это зрелище может любого свести с ума».

Правда, в смысле ума похвастать ей было нечем, однако в этом ее не упрекали.

– Девочки мои, – оглядела она молоденьких балерин, – придите скорее в себя... Что такое призрак? Ведь никто его по-настоящему не видел...

– Нет, мы видели его! Только что видели! – хором запричитали девушки. – У него череп вместо головы и тот самый фрак, в котором он встретился Жозефу Бюкэ!

– Габриель тоже его видел! – добавила Жамм. – Не далее как вчера. Вчера после обеда, среди бела дня...

– Габриель, хормейстер?

- Ну да. Вы разве об этом не слышали?

- И он был во фраке? Среди бела дня?

- Кто? Габриель?

- Да нет же! Призрак!

- Вот именно! Он был во фраке! - закивала головой Жамм. - Мне сам Габриель сказал об этом. Дело было так. Габриель сидел в кабинете режиссера. Вдруг открывается дверь, и входит Перс. Вы знаете, что у Перса дурной глаз?

- Да, да! - хором ответили девушки, которые при имени Перса сделали рожки: вытянули вперед указательный палец и мизинчик, прижав к ладони средний и безымянный и наложив на них большой палец.

- Габриель очень суеверен, - продолжала Жамм, - но вежлив, и когда встречается с Персом, он просто незаметно кладет руку в карман и трогает ключи... Так вот, как только Перс открыл дверь, Габриель вскочил со своего кресла и дотронулся до замочной скважины шкафа, ну, чтобы коснуться железа. При этом он задел своим пальто за гвоздь и вырвал целый клочок. Потом, выходя, ударился лбом о вешалку и набил себе огромную шишку. Но и это еще не все: по дороге он зацепился за ширму, стоявшую возле рояля, хотел опереться на него, но крышка неожиданно захлопнулась и прижала ему пальцы; он, как сумасшедший, выскочил из кабинета и в довершение всего споткнулся на лестнице и пересчитал боками все ступеньки до второго этажа. Как раз в тот момент мы с мамой проходили мимо. Мы бросились поднимать его. У него все лицо было в крови, но он тут же разулыбался и воскликнул: «Спасибо тебе, боже, что я так легко отделался!» Мы удивились, и он рассказал нам все. Дело в том, что за спиной Перса он увидел призрака! Призрака с черепом вместо головы, каким его описал Жозеф Бюкэ.

Жамм, запыхавшись, досказала свою историю, и тут же поднялся глухой испуганный ропот. Потом наступило молчание, которое прервал тихий голос младшей Жири, в то время как Сорелли, очень взволнованная, полировала ногти:

- Лучше бы Жозеф Бюкэ ничего не рассказывал.

- Почему? – удивился кто-то.

- Так считает мама, – ответила Мэг еще тише, испуганно оглядываясь, как будто боялась, что ее услышит кто-то посторонний.

- Почему твоя мама так считает?

- Ну как же! Она говорит, что призрак не любит, когда его беспокоят.

- Откуда она это знает?

- Потому что... Потому что она...

Это наигранное заикание разожгло любопытство девушек, которые мигом окружили младшую Жири и, тесно сгрудившись и подавшись вперед в едином просящем и испуганном движении, стали умолять ее рассказать все, что она знает. Они словно передавали друг другу свой страх и получали от этого острое удовольствие.

- Я поклялась молчать, – наконец выдохнула Мэг.

Однако они продолжали тормошить ее, обещая сохранить тайну, и наконец Мэг, сама сгоравшая от желания поведать подругам жуткую историю, заговорила, не сводя глаз с двери:

- Это из-за ложи...

- Какой ложи?

- Ложи призрака!

- У призрака есть ложа?!

При известии о том, что призрак имеет ложу, девушки не смогли сдержать удивления, смешанного с мрачным восторгом.

- О господи, рассказывай же...

- Только тихо! - приказала Мэг. - Это первая ложа, номер пять. Первая сбоку от левой авансены.

- Невероятно!

- Тем не менее это так. Эту ложу обслуживает моя мама. Но поклянитесь никому об этом не рассказывать.

- Конечно! Давай дальше!

- Так вот. Эта ложа призрака... Уже больше месяца туда никто не заходил, кроме призрака, и администрация получила указание никому не сдавать ее...

- Это правда, что туда приходит призрак?

- Разумеется.

- То есть видели, что туда кто-то заходит?

- Да нет же! Туда приходит призрак, и там никого нет!

Девушки переглянулись. Если призрак приходит в ложу, кто-то должен был его увидеть, потому что у него фрак и череп вместо головы. Они сказали об этом Мэг, и та с горячностью продолжала:

- Как вы не поймете? Призрака не видно, и у него нет ни фрака, ни головы! Все, что рассказывают о черепе или об огненной голове, - это болтовня! У него нет ничего подобного... Его можно только слышать, когда он в ложе. Мама ни разу его не видела, а только слышала. Она и программку ему приносит!

- Да ты просто смеешься над нами, - сочла своим долгом вмешаться Сорелли.

Тогда младшая Жири заплакала.

– Лучше бы я ничего вам не говорила... Если бы только мама знала!.. Но все-таки Жозеф зря занимается делами, которые его не касаются. Это принесет ему несчастье. Мама еще вчера сказала это.

В этот момент слышались тяжелые торопливые шаги в коридоре, и взволнованный голос прокричал:

– Сесиль! Сесиль! Где ты?

– Это матушка, – прошептала Жамм.

– Что случилось?

Дверь распахнулась. В комнату влетела представительная дама, сложенная, как гренадер из Померании, и со стоном упала в кресло. Ее глаза почти совсем вылезли из орбит, и лицо приняло цвет обожженной глины.

– Какое несчастье! – проговорила она. – Какое несчастье!

– Что? Что такое?

– Жозеф Бюкэ...

– Ну и что Жозеф Бюкэ?

– Жозеф Бюкэ мертв!

Комната Сорелли наполнилась недоверчивыми восклицаниями и просьбами рассказать о случившемся.

– Да, его только что нашли повешенным на третьем этаже подземелий. Но самое ужасное, – продолжала срывающимся голосом бедная женщина, – самое ужасное в том, что машинисты, которые нашли тело, утверждают, будто слышали вокруг мертвеца что-то вроде зауспокойного пения.

– Это дело рук призрака! – вырвалось у младшей Жири, которая тут же прижала ко рту сжатые кулачки и пролепетала: – Нет, нет! Я ничего не говорила!.. Я ничего не говорила!

А вокруг нее подружки повторяли испуганным шепотом:

– Это призрак!..

Сорелли побледнела.

– Я не смогу произнести приветствие, – прошептала прима-балерина.

Мамаша Жамм опрокинула рюмку ликера, стоявшую на столике, и высказала свое мнение: в подземельях и впрямь живет призрак.

В конечном счете так и не удалось узнать в точности, как погиб Жозеф Бюкэ. Следствие не дало никакого результата: единственной версией было самоубийство. В своих «Мемуарах директора» господин Моншармен, который сменил в этой должности Дебьена и Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Досадный инцидент нарушил маленький праздник, который давали по случаю своего ухода в отставку господина Дебьен и Полиньи. Я находился в своем кабинете, когда неожиданно туда вошел Мерсье, администратор. Он был крайне потрясен и рассказал, что на третьем этаже подземелья, прямо под сценой, среди декораций к «Королю Лахора»[3 - «Король Лахора» – опера в 5 актах на музыку Ж. Массне и слова Луи Галле. Первая постановка была осуществлена в Парижской опере в 1877 г.], нашли тело повешенного машиниста. Я кубарем скатился вниз по лестнице, быстро спустился в подвал, но к этому времени веревки на шее бедняги уже не было».

Господин Моншармен не увидел в этом событии ничего необычного. Человек повесился, его вытащили из петли, а веревка исчезла. И господин Моншармен нашел этому простое объяснение: «Это было время занятий в танцевальном классе, и балерины и ученицы балетной школы быстренько расхватали амулеты от дурного глаза»[4 - Согласно поверью, кусок веревки повешенного оберегает от дурного глаза.]. Все. Точка. Вы можете себе представить, как девушки из кордебалета опрометью несутся в подвал и в мгновение ока разрывают на куски

веревку повешенного? Все это несерьезно. Но когда я думаю о том месте, где был найден труп, – на третьем подземном этаже, мне представляется, что там, глубоко под сценой, кому-то было нужно, чтобы эта веревка бесследно исчезла, и позже мы увидим, что я был прав.

Жуткая новость быстро разнеслась по всей Опере, где Жозефа Бюкэ очень уважали. Артистические уборные опустели, и юные балеринки, окружившие Сорелли, как стадо испуганных, сбившихся в кучу овец, поспешили в общую артистическую залу по скупому освещенным коридорам и лестницам, быстро-быстро перебирая стройными ножками в розовых трико.

Глава II

Новая Маргарита

На площадке второго этажа Сорелли столкнулась с графом де Шаньи, который поднимался ей навстречу. На лице обычно сдержанного графа было написано сильное возбуждение.

– Я шел к вам, – галантно склонился перед балериной граф. – Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Даэ: какой триумф!

– Не может быть, – возразила Мэг Жири. – Еще полгода назад она пела, как курица. Но пропустите же нас, милый граф. – И девочка присела в легком реверансе. – У нас плохие новости: одного беднягу нашли повешенным.

В этот момент мимо пробежал озабоченный администратор. Услышав эти слова, он остановился.

– Как! Вы уже знаете, мадемуазель? – сурово спросил он. – Ну ладно, не будем говорить об этом... Особенно господам Дебьену и Полиньи: это будет для них большим ударом в такой торжественный день.

И все поспешили в танцевальную залу, которую уже заполнили приглашенные.

Граф де Шаньи был прав: никогда в Опере не случилось такого торжества. Счастливики, которые на нем присутствовали, до сих пор взволнованно и растроганно рассказывают о нем своим детям и внукам. Подумать только: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб по очереди вставали к дирижерскому пульта и сами дирижировали отрывками из своих произведений! Среди исполнителей были Габриэль Фор и Краусс. Именно в тот достопамятный вечер весь Париж, пораженный и восхищенный, услышал Кристину Даэ, о загадочной судьбе которой я намерен рассказать в этой книге.

Гуно исполнил «Траурный марш марионетки», Рейер – свою прелестную увертюру к «Сигурду», Сен-Санс – «Пляску смерти» и «Восточную грезу», Массне – «Венгерский марш», до тех пор никем не слышанный, Гиро – свой «Карнавал», Делиб – «Медленный вальс Сильвии» и «Пиццикато Коппелии». Собравшиеся услышали пение мадемуазель[5 - Известных актрис называют не «мадам», а «мадемуазель», независимо от возраста и семейного положения.] Краусс и Дениз Блох: первая исполнила болеро из «Сицилийской вечерни», вторая – заздравную песнь из «Лукреции Борджа».

Но главный успех выпал на долю Кристины Даэ, которая вначале спела несколько арий из «Ромео и Джульетты». Впервые в своей жизни молодая певица пела эту арию Гуно, которая, кстати, еще и не исполнялась в Опере, ибо упомянутая опера только незадолго до этого была поставлена в Комической Опере, а до этого много раньше в бывшем Лирическом театре с мадемуазель Карвало в главной роли. Ах! Воистину стоит посочувствовать тем, кому не довелось услышать Кристину Даэ в партии Джульетты, увидеть ее непосредственную и наивную грацию, вздрогнуть и замереть при звуках ее ангельского голоса, почувствовать, как душа устремляется вместе с ее душой к могилам веронских любовников.

«Господи! Господи! Господи! Прости нас!»

Но это были пустяки по сравнению с неземными звуками в сцене в тюрьме и в финальном трио из «Фауста», которые она исполнила вместо заболевшей Карлотты. Такого в Опере никогда не слышали и не видели!

Даэ представила публике новую Маргариту, Маргариту ослепительную, сияющую, о существовании которой раньше и не подозревали.

Весь зал стоя приветствовал восторженными криками Кристину, рыдающую и в конце концов без чувств опустившуюся на руки своих товарищей. Ее пришлось унести в артистическую уборную. Известный критик Р. описал незабываемое впечатление от этих восхитительных мгновений в статье, которую он удачно назвал «Новая Маргарита». Сам тоже будучи художником в душе, он писал, что эта прекрасная и нежная девушка принесла на подмостки Оперы нечто большее, чем свое искусство, – она принесла свое сердце. Всем завсегда Оперы было известно, что сердце Кристины оставалось чистым, как у ребенка, и критик Р. написал такие строки:

«Чтобы понять, что случилось с певицей Даэ, необходимо представить себе, что она только что в первый раз полюбила. Возможно, я покажусь нескромным, но лишь любовь способна сотворить подобное чудо, такую потрясающую перемену. Два года назад мы слушали Кристину Даэ на конкурсе в консерватории, где она всего лишь подавала большие надежды. Откуда же сегодня взялось это совершенство? Если только оно не спустилось с неба на крыльях любви, я склонен думать, что оно поднялось из глубин ада и что Кристина, как когда-то мэтр Офтердинген, заключила союз с дьяволом! Тот, кто не слышал, как Кристина поет финальное трио из «Фауста», тот не знает этой оперы, потому что ни одна чистая душа, опаленная священным небесным огнем, не смогла бы превзойти ее искусство».

Тем не менее нашлись и недовольные. Как смели так долго скрывать подобное сокровище! До того вечера Кристина Даэ пела – хотя и неплохо – второстепенную партию, оставаясь в тени прекрасной, но немного слишком материальной Маргариты, партию которой пела Карлотта. И потребовалось непонятное и необъяснимое отсутствие Карлотты на том торжественном вечере, чтобы юная Даэ в полной мере показала себя в партии, предназначенной для испанской дивы. Наконец, как господам Дебьену и Полиньи пришло в голову обратиться к Даэ? Выходит, они знали о ее скрытом даровании? А если знали, почему скрывали это? И почему скрывала она сама? Станным было и то, что никто не знал ее учителя, да она и сама не раз говорила, что репетирует одна. Словом, все это было весьма загадочно.

Граф де Шаньи стоял в своей ложе, и его восторженные крики «Браво!» вплетались в общий оглушительный хор.

Графу де Шаньи (Филиппу Жоржу Мари) был в ту пору сорок один год. Это был большой вельможа и красивый мужчина. Роста выше среднего, с приятным

лицом, несмотря на тяжелый лоб и холодноватые глаза, он отличался самыми утонченными манерами в отношениях с женщинами и был несколько высокомерен с мужчинами, которые ревниво относились к его успехам в свете. У него было доброе открытое сердце и чистая совесть. После смерти старого графа Филибера он сделался главой одного из самых известных и древних родов Франции, корни которого уходят во времена Людовика Сварливого [б - Людовик Сварливый - Людовик X (1287-1316) - французский король (правил с 1313 по 1316 г.), сын Филиппа IV (Красивого) и Жанны Наваррской.]. Семья владела значительными богатствами, и, когда умер старый граф-вдовец, Филиппу ничего не оставалось, кроме как взять бразды правления в свои руки. Две его сестры и брат Рауль и слышать не желали о разделе, и все состояние перешло к Филиппу, как будто для младших древнее право старшего оставалось в силе. Когда сестры вышли замуж - обе в один день, - они приняли свою долю из рук брата не как нечто, принадлежащее им от рождения, но как приданое, за которое следовало благодарить.

Графиня де Шаньи - урожденная де ла Мартиньер - умерла, разродившись Раулем, через двадцать лет после появления на свет старшего сына. К моменту смерти старого графа Раулю было двенадцать лет, и воспитанием подростка занимался Филипп. В этом ему охотно помогали сначала сестры, затем старая тетка, вдова моряка, которая жила в Бресте и заронила в душу юного Рауля любовь к морю. Юноша с отличием окончил морскую школу и совершил свое первое кругосветное путешествие. Благодаря мощному покровительству, его включили в состав официальной экспедиции на корабле «Акула», которая должна была отправиться в полярные льды на поиски пропавших три года назад исследователей. Пока же он наслаждался долгим шестимесячным отпуском, и обитатели дворянского предместья, видя этого красивого, хрупкого на вид юношу, уже жалели его и сокрушались над ожидавшей его суровой судьбой.

Этот молодой моряк отличался необыкновенной робостью, даже наивностью. Казалось, он только накануне вышел из-под опеки своих воспитательниц. Действительно, взлелеянный теткой и сестрами, благодаря такому чисто женскому воспитанию, он сохранил детски чистосердечную манеру поведения и какое-то особое очарование. В ту пору ему было немногим больше двадцати одного года, но выглядел он на восемнадцать. У него были светлые усики, красивые голубые глаза и девичий цвет кожи.

Филипп баловал Рауля. Первое время он очень им гордился и радостно предвкушал карьеру, ожидавшую младшего брата в военно-морском флоте, где

один из их предков, знаменитый Шаньи де Ля Рош, дослужился до адмирала. Филипп воспользовался отпуском юноши, чтобы показать ему Париж, которого тот почти не знал, Париж, предлагавший самые изысканные радости и удовольствия.

Граф полагал, что в возрасте Рауля не следует быть слишком благоразумным, хотя сам имел очень уравновешенный характер, как в трудах, так и в удовольствиях, и был неспособен подать брату дурной пример. Он повсюду водил его с собой и даже ввел в обитель Терпсихоры. Поговаривали, будто граф был в очень близких отношениях с Сорелли. Но можно ли упрекнуть блестящего светского человека, холостяка, который мог позволить себе любые развлечения, особенно после того как его сестры устроили свою судьбу, за то, что он несколько часов в день проводил в компании танцовщицы, которая хоть не блистала умом, но обладала самыми красивыми в мире глазами? Кроме того, есть места, в которых истинный парижанин, в положении графа де Шаньи, просто обязан показываться, в то время одним из таких мест были артистические комнаты балерин Оперы.

Наконец, Филипп, может быть, и не привел бы брата за кулисы Национальной академии музыки, если бы тот не упрямил его с той мягкой настойчивостью, о которой граф еще вспомнит впоследствии.

Итак, в тот вечер, выразив свое восхищение искусству Даэ аплодисментами, Филипп повернулся к Раулю и нашел его таким бледным, что это его даже испугало.

– Разве вы не видите, – сказал Рауль, не сводя глаз со сцены, – что этой женщине плохо?

– Я вижу, что это ты сейчас потеряешь сознание, – с тревогой заметил граф, наклоняясь к Раулю. – Что с тобой?

Но Рауль уже вскочил на ноги и дрожащим голосом произнес:

– Пойдем.

– Куда ты, Рауль?

– Пойдем же посмотрим! Она никогда так не пела!

Граф пристально посмотрел на брата, и легкая улыбка тронула его губы.

– Ого! – сказал он. И тут же добавил: – Пойдем посмотрим.

Они быстро прошли к входу на сцену, где толпились жаждущие проникнуть за кулисы, и в ожидании Рауль принялся нервно тереть перчатки. Добрый Филипп и не подумал посмеяться над нетерпением брата – теперь он понял, почему Рауль был рассеян, когда он заговорил с ним, и почему в последнее время так упорно сводил все разговоры к Опере.

Сцена была заполнена черными фраками, которые толпились у танцевального зала или устремлялись к артистическим уборным. Раздавались крики и споры машинистов и рабочих, подталкивая друг друга, уходили за кулисы статисты и статистки, над головами проплывали софиты и подставки, с колосников опускался задник, гулко стучали молотки, эхо которых будто предвещало какую-то неясную угрозу, – обычная обстановка антрактов, которая всегда смущает попавшего за кулисы новичка, каким и был молодой человек со светлыми усиками, голубыми глазами и с нежной девичьей кожей, быстро, насколько позволяла толча, пробиравшийся через сцену, на которой только что триумфально выступила Кристина Даэ и под которой нашел свою смерть Жозеф Бюкэ.

Никогда здесь не было такой суматохи, как в тот вечер, но никогда Рауль не чувствовал себя таким смелым. Он шагал, раздвигая сильным плечом суетящихся людей, не обращая внимания на шум и гвалт вокруг себя. Его гнала вперед одна мысль – увидеть ту, чей волшебный голос похитил его сердце. Да, именно так – его бедное молодое сердце больше ему не принадлежало. Он боролся с этим наваждением с того самого дня, когда Кристина, которую он знал совсем маленькой, снова появилась на его пути. Тогда он ощутил в себе непонятное и сладкое волнение, которое хотел прогнать, потому что когда-то он, как честный и благородный человек, поклялся, что, полюбив женщину, непременно на ней женится, однако никогда, даже на секунду, ему не приходила мысль жениться на певице. Но прошло немного времени, и сладостное волнение сменилось каким-то жгучим ощущением. Это было для него совершенно новое чувство. Оно было материальным и духовным одновременно. У него сильно болела грудь, как будто ее вскрыли, чтобы вынуть сердце. Внутри оставалась пустота, ужасная пустота, заполнить которую может

только сердце другого человека! Вот что происходило в этой чувствительной и благородной душе, и понять это может лишь тот, кто сам бывал поражен тем чувством, что зовется любовью с первого взгляда.

Граф Филипп с трудом поспевал за братом и продолжал улыбаться.

В глубине сцены, пройдя через двойные двери, ведущие в танцевальный зал, с одной стороны, и в левые ложи первого этажа – с другой, Рауль вынужден был остановиться перед группой девушек из кордебалета, которые, спустившись со своего чердака, загораживали проход. Не отвечая на кокетливые улыбки и восклицания, срывающиеся с накрашенных губок, он вошел в полумрак коридора, наполненного восторженным гулом поклонников, среди которых то и дело слышалось одно имя: «Даэ! Даэ!» Граф пробирался следом за Раулем, говоря себе: «Хитрец, знает дорогу!» Значит, он уже приходил сюда один, когда граф по обыкновению болтал с Сорелли в артистической, а она часто удерживала его до своего выхода на сцену и позволяла себе тиранить поклонника, вручая ему на хранение гетры, в которых выходила из своей уборной, чтобы не запачкать белоснежные атласные туфельки и телесного цвета трико. Впрочем, ей можно было найти извинение: она давно потеряла мать.

Граф, отложив визит к Сорелли, шел длинным коридором к Кристине Даэ. Никогда здесь не было столько людей, как в тот вечер, словно весь театр собрался сюда, потрясенный успехом певицы и ее внезапным обмороком. Бедняжка до сих пор не пришла в сознание, уже послали за доктором, и вот теперь доктор торопливо расталкивал собравшихся, а за ним по пятам шел Рауль.

Так врач и влюбленный одновременно оказались рядом с Кристиной, и она получила первую помощь от одного и открыла глаза в объятиях другого. Граф же вместе с остальными остался на пороге комнаты.

– Вам не кажется, доктор, что этим господам стоит выйти? – спросил Рауль, сам поражаясь своей смелости. – Здесь уже трудно дышать.

– Вы совершенно правы, – кивнул врач и попросил всех удалиться, за исключением Рауля и горничной, которая с искренним изумлением округлившимися глазами смотрела на юношу, потому что видела его в первый

раз.

Однако она ничего не сказала, а врач решил, что поскольку этот молодой человек ведет себя так свободно, значит, он имеет на это право. Таким образом виконт остался в артистической и не сводил глаз с приходившей в чувство Кристины, а оба директора – Дебьен и Полиньи, – заявившиеся выразить своей воспитаннице искреннее восхищение, были выдворены в коридор вместе с остальными черными фраками.

– Ах, мошенник! – громко расхохотался граф де Шаньи, стоя перед закрытой дверью. И пробормотал *in petto*: [7 - *In petto* – тихонько, тайком (итал.).] – Вот уж верно говорится: бойтесь юнцов, которые напускают на себя вид записных скромников. – После этого он с удовлетворением проворчал: – Настоящий Шаньи! – и направился к Сорелли, которую и встретил на полпути к ее уборной в окружении дрожащих от страха балерин.

Между тем Кристина Даэ глубоко вздохнула, повернула голову, увидела Рауля, вздрогнула, улыбнулась доктору и горничной, а потом ее взгляд снова остановился на Рауле.

– Сударь, – тихим голосом спросила она, – кто вы и что здесь делаете?

– Мадемуазель, – ответил юноша, опустившись на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке певицы, – я тот маленький мальчик, который когда-то выловил из моря ваш шарф.

Кристина еще раз посмотрела на доктора и на горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, весь красный, поднялся с колен.

– Мадемуазель, раз уж вам так хочется не узнавать меня, я хотел бы сказать вам что-то важное наедине.

– Прошу вас, когда я оправлюсь, сударь. – И ее голос дрогнул. – Вы очень любезны...

– Но вам лучше выйти, – добавил доктор с улыбкой. – Я должен оказать мадемуазель необходимую помощь.

– Я не больна, – неожиданно встрепенулась Кристина.

Она встала и быстрым движением провела ладонью по глазам.

– Я очень вам благодарна, доктор... Но мне надо остаться одной. Прошу вас всех выйти... Оставьте меня. Я так устала сегодня...

Врач собрался было запротестовать, но, заметив странное возбуждение девушки, решил, что в таком состоянии лучше ей не перечить, и вышел вслед за расстроенным Раулем в коридор.

– Я сегодня не узнаю ее, – пробормотал он, обращаясь к Раулю. – Обычно она такая сдержанная и приветливая...

С этими словами он удалился.

Рауль остался один. Коридор был теперь совершенно безлюден. Должно быть, в танцевальном зале уже приступили к торжественной церемонии прощания. Рауль подумал, что, возможно, Кристина тоже отправится туда, и стал ждать в тишине и одиночестве. Он даже отступил в тень, отойдя от двери. И слева, где сердце, снова почувствовал ноющую боль. Об этом он и хотел без промедления поговорить с девушкой. Вдруг дверь уборной открылась, из нее вышла горничная – одна, с какими-то пакетами в руках. Он остановил ее и справился о здоровье хозяйки. Она со смехом ответила, что та чувствует себя хорошо, но не стоит ее беспокоить, потому что хозяйка пожелала остаться одна. Когда девушка ушла, воспаленный мозг Рауля пронзила мысль: Кристина захотела остаться одна из-за него! Разве не он сказал ей, что должен поговорить с ней наедине, и разве не поэтому она отослала остальных? Стараясь не дышать, он приблизился к уборной, приложил ухо к двери и уже собрался постучать. Но рука его тут же опустилась. Он услышал там, внутри, мужской голос, который произнес странно повелительным тоном:

– Ты должна любить меня, Кристина!

Ему ответил исполненный отчаяния голос Кристины, в котором угадывались слезы:

– Как вы можете говорить мне это! Мне, которая поет только для вас!

Рауль бессильно прислонился к стене. Сердце, которого он не чувствовал до этого, гулко заколотилось у него в груди. Ему показалось, что эхо ударов раскатилось по всему коридору, и у него заложило уши. Боже! Если сердце будет биться так громко, его услышат, откроют дверь и с позором прогонят. Ужасное положение для человека с именем Шаньи! Подумать только – подслушивать под дверь! Он обеими руками прикрыл сердце, пытаясь заглушить его. Однако это ведь не собачья пасть, и потом, даже если держать обеими руками пасть истощно лающей собаки, – все равно будет слышно ее рычание.

– Вы, должно быть, утомлены? – продолжал тот же мужской голос.

– Ах! Сегодня я отдала вам всю душу, и теперь я будто мертва.

– Твоя душа прекрасна, дитя мое, – сурово произнес мужчина, – и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка! Сегодня ангелы плакали!..

После слов «сегодня ангелы плакали» виконт ничего больше не слышал. Однако он не ушел, а, опасаясь быть застигнутым, бросился в темный угол с отчаянной решимостью дожидаться, пока мужчина выйдет из уборной Кристины. Он только что открыл для себя одновременно и любовь и ненависть. Он знал, кого любит, и хотел увидеть того, кого ненавидит. К его величайшему изумлению, дверь вскоре открылась. И Кристина Даэ, одна, вышла в коридор, завернувшись в меха и спрятав лицо под вуалеткой. Девушка закрыла за собой дверь, но Рауль заметил, что она не заперла ее на ключ. Он даже не проследил за ней взглядом, потому что глаза его были прикованы к двери. Когда фигурка девушки скрылась, он на цыпочках подбежал к двери, распахнул ее и тотчас закрыл за собой. Его обступила непроглядная темнота – газовый фонарь был погашен.

– Кто здесь? – спросил юноша звенящим голосом. – Кто здесь прячется?

Ночная тьма и молчание были ему ответом. Рауль слышал только собственное дыхание. Он не отдавал себе отчета в том, насколько нескромность его поведения превосходит все мыслимые правила приличия.

– Кто бы здесь ни был, он не выйдет отсюда! – выкрикнул он еще громче. – Вы трус, если не хотите откликнуться! Но я найду вас!

И он чиркнул спичкой. Маленькое пламя осветило комнату. Она была пуста! Рауль, заперев дверь на ключ, зажег все лампы. Прошел в туалетную комнату, открыл шкафы, ощупал влажными руками все стены. Ничего!

– Ах так! – недоуменно проговорил он. – Значит, я уже схожу с ума?

Минут десять он стоял в пустой артистической, слушая шипенье газа, и хотя он был очень влюблен, ему даже не пришло в голову унести с собой хоть ленту, которая хранила бы для него запах духов любимой. Потом он вышел и побрел прочь, ничего перед собой не видя. Так он шел некоторое время, пока в лицо ему не пахнуло ледяное дыхание. Он оказался около узкой лестницы, по которой спускался кортеж рабочих, тащивших носилки, прикрытые белым покрывалом.

– Где здесь выход? – спросил Рауль.

– Вы же видите! Прямо перед вами, – ответили ему. – Дверь открыта. А теперь пропустите нас.

Он машинально поинтересовался, указывая на носилки:

– А это что такое?

– Жозеф Бюкэ, его нашли повешенным на третьем этаже подвала, между стойкой и декорацией к «Королю Лахора».

И Рауль отступил в сторону, пропуская кортеж.

Глава III,

в которой господа Дебьен и Полиньи впервые сообщают новым директорам Оперы, Арману Моншармену и Фирмену Ришару, истинную и загадочную причину своего ухода из Национальной академии музыки

А в это время проходила церемония торжественного прощания.

Я уже говорил, что этот удивительный праздник давали по случаю своей отставки Дебьен и Полиньи, которым хотелось уйти красиво.

В программе этого трогательного и грустного вечера принимали участие самые известные в Париже лица.

Основные торжества состоялись в танцевальном зале; в самом центре зала стояла прекрасная Сорелли, она держала в руке бокал шампанского и твердила про себя прощальную речь, ожидая появления отставных директоров. Позади нее столпились молодые и не очень молодые балерины из кордебалета, некоторые шепотом обсуждали события прошедшего уже дня, другие украдкой перемигивались с поклонниками, которые шумной толпой окружили буфет, воздвигнутый на наклонной платформе между двумя декорациями Буланже к воинственным танцам с одной стороны, к буколическим – с другой.

Некоторые балерины уже переоделись, но большинство были еще в легких газовых юбочках, и все старательно принимали подобающий случаю вид. Только малышка Жамм, чей счастливый возраст – пятнадцать весен! – помог ей беззаботно забыть и призрака, и смерть Жозефа Бюкэ, не переставала тараторить, щебетать, подпрыгивать и гримасничать, так что, когда в дверях появились Дебьен и Полиньи, недовольная Сорелли тихо, но сурово призвала ее к порядку.

У господ отставных директоров был очень веселый вид, чего где-нибудь в провинции просто бы не поняли, но здесь, в Париже, это считалось признаком хорошего вкуса. Невозможно стать парижанином, не научившись надевать маску беззаботной радости при всех печалях и неприятностях. И «полумаску» безразличия при самой глубокой радости. Если кто-то из ваших друзей попал в беду, не пытайтесь утешать его – он скажет вам, что уже утешен, но если с ним случилось нечто приятное, остерегайтесь поздравлять его, потому что удача кажется ему настолько естественным делом, что он будет очень удивлен, если вы заговорите об этом. В Париже происходит нескончаемый бал-маскарад, и господа Дебьен и Полиньи могли выказать свою грусть где угодно, только не в танцевальном зале Оперы. Они поощрили Сорелли улыбками, и она уже начала свою речь, как вдруг послышалось восклицание глупышки Жамм, которое мигом

погасило улыбки директоров, и на их лицах проступило отчаяние и даже страх:

- Призрак Оперы!

Жамм с неопишным ужасом произнесла эти слова, и ее пальчик указал на одно лицо в толпе черных фраков – такое бледное, мрачное и уродливое, с пустыми глазницами под безбровыми дугами, что оно тут же возымело оглушительный успех.

- Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Все, смеясь и толкая друг друга, двинулись к призраку, собираясь угостить его шампанским, но он неожиданно исчез! Он как будто испарился в толпе, и все поиски были напрасны. А тем временем два пожилых господина успокаивали бедняжку Жамм, которая испускала крики, напоминающие кудахтанье павлина.

Сорелли была вне себя от ярости: речь так и не удалось закончить. Тем не менее Дебьен и Полиньи, расцеловав, поблагодарили ее и скрылись так же незаметно и быстро, как тот человек в маске мертвеца. Впрочем, это никого не удивило, потому что директоров ждала та же самая церемония этажом выше в вокальном зале, и в довершение всего им предстоял роскошный прощальный ужин в компании близких друзей, накрытый в просторной приемной директорского кабинета.

Мы последуем за ними туда и познакомимся с новыми директорами – Арманом Моншарменом и Фирменом Ришаром[8 - Прежние директора были едва с ними знакомы, но, войдя, рассыпались в таких искренних изъявлениях дружбы и были, в свою очередь, встречены такими пышными комплиментами, что те из гостей, которые опасались, что вечер пройдет скучно, мгновенно успокоились.]. Здесь царил атмосфера непринужденного веселья, и бывшие директора скоро забыли неприятный инцидент и обрели беззаботное настроение. Ужин почти удался, было множество тостов, в чем особенно преуспел комиссар правительства, до небес превозносивший то славу прошедших лет, то будущие успехи. Передача директорских полномочий состоялась накануне в максимально обыденной обстановке, и оставшиеся вопросы и неясности между старой и новой дирекцией были успешно решены при участии представителя правительства, поэтому на том памятном вечере не было лиц, более сияющих, чем у всех четырех директоров. Отставные директора уже вручили Моншармену и Ришару оба

крохотных ключика, которые, как волшебная палочка, открывали все двери Национальной академии музыки. Эти ключики – объект всеобщего любопытства – переходили из рук в руки, когда в конце стола возникло то самое фантастическое бледное лицо с пустыми глазницами, которое обнаружила в толпе малышка Жамм.

Его обладатель сидел как ни в чем не бывало, как и прочие приглашенные, только ничего не пил и не ел.

Сначала на него поглядывали с улыбкой, потом стали отводить глаза – настолько это зрелище пугало и настораживало. Никто не пытался шутить, никто не выкрикивал: «Призрак Оперы».

Он не произнес ни слова, и его соседи по столу не могли бы сказать в точности, когда подсел к ним этот странный субъект, но каждый подумал, что, если бы мертвые садились иногда за стол живых, даже они не имели бы более мрачного облика. Друзья Ришара и Моншармена решили, что этого гостя пригласили Дебьен и Полиньи, тогда как приглашенные бывших директоров подумали, что «мертвец» был из окружения Ришара и Моншармена. Таким образом, ни один нескромный вопрос, ни одно неловкое замечание или шутка не обидели гостя из загробного мира. Некоторые из присутствующих слышали легенду о призраке и рассказ машиниста, о смерти которого они еще не знали, и нашли, что человек, который сидел в конце стола, вполне мог сойти за живое воплощение легендарного образа, созданного неисправимым суеверием служащих Оперы. Однако согласно легенде у призрака носа не было, а молчаливый гость его имел, хотя в своих «Мемуарах» Моншармен утверждает, что нос странного сотрапезника был подозрительно прозрачен. Я добавлю при этом, что тот нос мог быть фальшивым. Наука – и это всем известно – способна делать великолепные накладные носы для тех, кто их лишен от природы или потерял в результате операции.

Весь вопрос в том, действительно ли в ту ночь на банкет директоров без приглашения явился призрак? И можно ли утверждать, что это было лицо самого Призрака Оперы? Кто может сказать это наверняка? Рассказываю я об этом не потому, что намерен заставить читателя поверить в такую невероятную наглость призрака, а потому лишь, что не исключаю такой возможности.

Далее Арман Моншармен пишет следующее: «Вспоминая тот первый вечер, я не могу отделаться от мысли, что признания, которые нам сделали в директорском

кабинете Дебьен и Полиньи, и присутствие на ужине загадочного субъекта, которого никто не знал, каким-то образом связаны друг с другом».

Произошло же следующее.

Дебьен и Полиньи, сидевшие в центре стола, еще не заметили человека с мертвой головой, когда тот вдруг заговорил.

– Ученицы балетной школы правы, – сказал он. – Смерть этого бедняги Бюкэ не так просто объяснить, как об этом думают.

– Бюкэ мертв? – вскричали разом бывшие директора, вскакивая с места.

– Да, – спокойно ответил загадочный человек, вернее, тень человека. – Его нашли повешенным сегодня вечером на третьем этаже подzemелья, между балками и декорациями к «Королю Лахора».

Оба директора удивленно уставились на говорившего. Их потрясение трудно было объяснить только известием о смерти старшего машиниста. Они обменялись странными взглядами и стали блее скатерти. Наконец Дебьен сделал знак Ришару и Моншармену, Полиньи извинился перед гостями, и все четверо прошли в директорский кабинет. Здесь я снова предоставляю слово господину Моншармену.

«Дебьен и Полиньи волновались все сильнее и сильнее, – пишет он в своих мемуарах, – и нам показалось, что они хотели сказать нам нечто, что их сильно беспокоило. Сначала они спросили, знаком ли нам человек, сидевший в конце стола и сообщивший о смерти Жозефа Бюкэ, и после нашего отрицательного ответа их волнение возросло еще больше. Они взяли у нас ключи, внимательно посмотрели на них, покачивая головами, потом посоветовали нам заказать новые замки для всех помещений, полную безопасность которых мы хотели бы гарантировать. При этом у них был такой забавный заговорщицкий вид, что мы рассмеялись и спросили: неужели в Опере водятся воров? Они отвечали, что в Опере есть кое-что похуже воров – призрак. Мы снова стали смеяться, уверенные, что это – шутка, которой суждено увенчать прощальный ужин. Затем по их просьбе мы прекратили смех и приготовились поддержать шутку. Тогда они с таинственным видом признались, что они никогда не стали бы говорить с нами о призраке, если бы не получили от него самого формального приказа

внушить нам, что мы должны быть с ним любезны и должны выполнять все его просьбы и требования. Слишком счастливые от того, что они покидают место, где царит эта страшная тень, от которой они теперь, может быть, избавятся, Дебьен и Полиньи до самого последнего момента не решались рассказать нам о столь невероятных событиях, которые трудно понять нашим скептическим умом, однако смерть Жозефа Бюкэ жестоко напомнила им, что всякий раз, когда призраку в чем-то отказывали, в Опере случалось что-нибудь ужасное, в очередной раз подтверждающее их зависимость от «Него».

В продолжение всей этой речи, произнесенной самым таинственным и приглушенным голосом, я не спускал глаз с Ришара. В бытность свою студентом он имел репутацию шутника, знавшего тысячу и один способ подшучивать над людьми, и был широко известен своими шутками среди консьержек бульвара Сен-Мишель. Я видел, что он с искренним удовольствием принимает блюдо, которым его угощали бывшие директора, хотя приправа к нему была несколько мрачновата, так как таковой была смерть Бюкэ. Он печально покачивал головой, и на его лице постепенно появлялась сочувственная мина человека, который озабочен тем, что в Опере поселился призрак. И мне ничего не оставалось, как покорно следовать его примеру. Однако, несмотря на наши усилия, мы в конце концов не удержались и расхохотались прямо в лицо Дебьену и Полиньи, которые, поразившись столь резкому переходу от самого угнетенного состояния к самой наглой веселости, в свою очередь, сделали вид, будто поверили в то, что мы потеряли от страха рассудок.

Поскольку нам показалось, что шутка слегка затянулась, Ришар спросил полушутя-полусерьезно:

– И чего же хочет этот призрак?

Обиженный Полиньи полез в стол и достал оттуда тетрадь с перечнем директорских обязанностей. Перечень начинался такими словами:

«Дирекция Оперы обязана обеспечивать представлениям Национальной академии музыки блеск и размах, приличествующие главной французской сцене».

И заканчивался статьей 98, гласившей:

«Указанные привилегии могут быть отобраны в том случае, если директор не выполняет нижеследующих условий».

Далее следовал перечень.

Это была аккуратно переписанная черными чернилами копия официального документа. Такая же была и у нас, но в самом конце мы увидели лишний абзац, написанный красными чернилами, неровным изломанным почерком, почерком ребенка, который еще не научился соединять буквы. Этот абзац – продолжение статьи 98 – гласил:

«Если директор более чем на пятнадцать дней задерживает ежемесячное содержание, которое он обязан выплачивать Призраку Оперы и которое до нового распоряжения устанавливается в сумме 20 тысяч франков в месяц или 240 тысяч в год...»

Господин Полиньи дрожащим пальцем ткнул в этот заключительный пункт, который, разумеется, весьма удивил нас.

– И это все? Он больше ничего не хочет? – спросил Ришар со всем хладнокровием, на которое был способен.

– Нет, не все, – коротко ответил Полиньи, перевернул страницу и вслух зачитал: – «Статья 63. Большая литерная ложа справа от первых рядов № 1 зарезервирована на все представления для главы государства.

Вторая ложа № 27 зарезервирована на каждый день для префектов департамента Сены и для префекта полиции.

Ложа бенуара № 20 по понедельникам и первая ложа № 30 по средам предназначены для министра».

И снова, в конце этой статьи, Полиньи молча показал пальцем на добавленную красными чернилами строчку:

«Первая ложа № 5 на все представления передается в распоряжение Призрака Оперы».

После этого мы дружно встали и горячо пожали руки нашим предшественникам, поздравляя их с такой очаровательной шуткой, которая доказывала, что старая добрая французская веселость жива. Ришар даже счел нужным добавить, что теперь он понимает, почему господу Дебьен и Полиньи покидают Национальную академию музыки. Ведь с таким капризным призраком дела вести невозможно.

– Разумеется, – не моргнув глазом ответил Полиньи. – Двести сорок тысяч франков на дороге не валяются. А вы подсчитайте, какие убытки нам принесло резервирование за призраком ложи № 5 на все представления. Не считая того, что мы должны оплачивать абонемент. Это же непостижимо! Разве обязаны мы содержать призраков? Поэтому мы предпочитаем уйти.

– Да, – кивнул Дебьен. – Мы предпочитаем уйти! И мы уходим! – И он поднялся.

– М-да, – заметил Ришар. – Мне кажется, вы в неплохих отношениях с этим призраком. Если бы у меня под боком был такой капризный тип, я бы потребовал арестовать его.

– Но как?! – хором воскликнули они. – Мы же его ни разу не видели!

– А когда он приходит в свою ложу?

– Мы никогда не видели его в ложе.

– Тогда сдавайте ее.

– Сдавать ложу призрака! Попробуйте сами, господа!

На этом разговор был окончен. Мы с Ришаром никогда так не смеялись».

Глава IV

Ложа № 5

Арман Моншармен написал такую толстую книгу воспоминаний о периоде своего директорства, что можно подумать, будто он занимался Оперой только в том смысле, что писал о происходящем в ее стенах. Господин Моншармен не знал ни одной ноты, однако был на «ты» с министром народного образования и изящных искусств, пописывал статейки в бульварные газеты и, кроме того, обладал большим состоянием. Наконец, он был обаятельным человеком, не лишенным здравого смысла, и, решившись встать к рулю управления Оперой, сумел выбрать себе надежного и ловкого коллегу – Фирмена Ришара.

Фирмен Ришар был тонкий музыкант и галантный мужчина. Вот что писали о нем в газете «Театральное ревю»:

«Господину Фирмену Ришару около 50 лет. Это человек высокого роста, плотный, но не располневший. Он обладает представительной осанкой и изысканными манерами. В густых коротко подстриженных волосах и бороде совсем нет седых волос. В выражении лица проглядывает что-то грустное, однако эта грусть смягчается прямым и честным взглядом и обаятельной улыбкой. Господин Фирмен Ришар – очень талантливый музыкант, мастер гармонии, умелый контрапунктист. Мощь и размах – вот главные признаки его сочинений. Он писал камерную музыку, высоко ценимую знатоками, музыку для фортепиано, сонаты и полифонические пьесы, исполненные оригинальности, и составил целый сборник фортепьянных мелодий. Наконец, «Смерть Геркулеса», исполняемая на концертах в консерватории, дышит эпической страстью, заставляющей вспоминать Глюка, одного из любимых учителей Ришара. Он обожает Глюка, но не меньше он любит и Пуччини. Ришар черпает вдохновение везде, где только можно. Восхищаясь Пуччини, он склоняется перед Мейербером, получает удовольствие от Чимарозы, и никто так высоко, как он, не ценит неповторимый гений Вебера. Наконец, в отношении Вагнера господин Ришар готов утверждать, что он понял его первым, а может быть, и единственным во Франции».

Из этой цитаты видно, что, поскольку Фирмен любил почти всю музыку и всех музыкантов, все музыканты были обязаны любить Фирмена Ришара. В заключение добавим, что новый директор был властным человеком и обладал очень дурным характером.

Первые дни пребывания в Опере оба директора радовались, как дети, ощущая себя хозяевами столь большого и прекрасного предприятия, и совершенно забыли странную и непонятную историю с призраком, как вдруг произошло

событие, которое показало, что шутка – если это была шутка – далеко не окончена.

В то утро господин Ришар пришел в свой кабинет в одиннадцать часов. Его секретарь Реми показал ему полдюжины писем, которые он не распечатал, поскольку на конвертах была пометка «Личное». Одно из них сразу привлекло внимание Ришара не только потому, что конверт был подписан красными чернилами, но и потому еще, что почерк показался ему знакомым. Действительно, этим спотыкающимся детским почерком был добавлен абзац в тетради обязанностей директоров. Он распечатал конверт и прочитал:

«Уважаемый директор, прошу прощения за то, что побеспокоил Вас в эти драгоценные минуты, когда Вы решаете судьбу лучших артистов Оперы, когда Вы возобновляете прежние контракты и заключаете новые, причем делаете это уверенно и умело, со знанием публики и ее вкусов, с решительностью, которых недоставало вашим предшественникам. Я знаю, как много Вы сделали для Карлотты, Сорелли и маленькой Жамм и для некоторых других, в ком Вы угадали замечательные качества, талант или гений. Вам хорошо известно, кого я имею в виду – не Карлотту, которая поет, как шрапнель, и которой не следовало уходить из кафе «Амбасадор» или «Жакен», не Сорелли, которая пользуется успехом главным образом у извозчиков, не малышку Жамм, танцующую, как корова на лугу. Я веду речь о Кристине Даэ, чья гениальность бесспорна и которую, кстати, Вы ревниво бережете от истинного творчества. В конце концов, Вы вольны распоряжаться в своем учреждении по своему усмотрению. И все-таки я хотел бы воспользоваться тем, что Кристине Даэ еще не указали на дверь, и послушать ее нынче вечером в партии Зибеля, поскольку партия Маргариты после ее недавнего триумфа ей заказана, и в связи с этим прошу Вас не занимать мою ложу ни сегодня, ни в последующие дни. Я не могу закончить письма, не заметив Вам, как неприятно я был поражен тем, что моя ложа была абонирована по Вашему распоряжению.

Впрочем, я не протестовал: прежде всего потому, что я не сторонник скандалов, и во-вторых, потому, что Ваши предшественники, господа Дебьен и Полиньи, которые всегда были любезны со мной, возможно, по рассеянности забыли предупредить Вас о моих маленьких слабостях. Но я только что получил от этих господ ответ на мою просьбу объясниться, и этот ответ убедил меня, что Вы ознакомлены со своими обязанностями, и, следовательно, в Ваших действиях я усматриваю оскорбительную насмешку. Если хотите жить со мной в мире, не

следует в самом начале наших отношений отбирать у меня ложу. В заключение разрешите, уважаемый директор, заверить, что я являюсь Вашим преданным и покорным слугой».

Подпись: «П. Оперы».

Письмо сопровождалось небольшой заметкой, вырезанной из газеты «Театральное ревю»:

«П. О., виноваты Р. и М. Мы их предупредили и передали им тетрадь с обязанностями. Искренне ваши!»

Едва Фирмен Ришар успел дочитать эти строки, как открылась дверь кабинета и перед ним предстал Арман Моншармен с письмом в руке, как две капли воды похожим на то, которое получил он. Они переглянулись и расхохотались.

- Итак, шутка продолжается, - сказал Ришар, - но это уже не смешно!

- Что это значит? - удивился Моншармен. - Неужели они думают, что, если они были директорами Оперы, мы навсегда отдадим им ложу?

И первый и второй ни секунды не сомневались в том, что оба послания были делом рук их предшественников.

- Мне не улыбается так долго оставаться объектом для глупых шуток, - заявил Ришар.

- В этом же нет ничего обидного, - заметил Моншармен.

- Кстати, чего они хотят? Ложу на сегодняшний вечер?

И Фирмен Ришар велел секретарю немедленно передать абонент на ложу № 5 Дебьену и Полиньи, если она еще не сдана.

Она была свободна. Дебьен жил на углу улицы Скриба и бульвара Капуцинов, Полиньи – на улице Обер. Кстати, оба письма призрака были отправлены с бульвара Капуцинов; это заметил Моншармен, внимательно рассмотрев конверты. Директора пожали плечами, посетовав на то, что солидные пожилые люди развлекаются, как дети.

– Все-таки они могли быть повежливее, – заметил Моншармен. – Видишь, как они выговаривают нам за Карлотту, Сорелли и малышку Жамм.

– Да ладно, старина, они просто больны от ревности... Подумать только: даже заплатили за заметку в «Театральном ревью». Неужели им больше нечего делать?

– Кстати! – сказал Моншармен. – Кажется, их очень интересует Кристина Даэ...

– Ты не хуже меня знаешь, что у нее репутация честной девушки, – ответил Ришар.

– Репутация часто обманчива, – сказал Моншармен. – Вот у меня репутация знатока музыки, а я не знаю, чем отличается соль от фа.

– Успокойся! У тебя никогда не было такой репутации.

Потом Ришар велел привратнику впустить артистов, которые вот уже два часа прогуливались по большой директорской приемной, ожидая, когда откроется дверь, за которой их ждали слава и деньги... или увольнение.

Весь день наши директора вели переговоры, обсуждали дела, подписывали и разрывали контракты, так что можете себе представить, как они утомились в тот вечер – непогожий вечер 25 января – после сумасшедшего дня, наполненного истериками, интригами, рекомендациями, угрозами, протестами, признаниями в любви и ненависти. Они рано ушли домой, даже не заглянув в ложу № 5 и не полюбопытствовав, понравился ли спектакль Дебьену и Полиньи.

На следующее утро Ришар и Моншармен обнаружили среди корреспонденции, во-первых, открытку от призрака:

«Уважаемые директора!

Очень благодарен. Чудесный вечер. Даэ восхитительна. Обратите внимание на хор. Карлотта – превосходный, но бездушный инструмент. Позже напишу вам по поводу 240 тысяч, если быть точным – 233 424 франка 70 су, потому что господа Дебьен и Полиньи переслали мне 6575 франков и 30 сантимов за первые десять дней текущего года в связи с тем, что их полномочия истекали 10-го числа. Ваш слуга, П. О.».

Во-вторых, было письмо от Дебьена и Полиньи:

«Господа!

Спасибо за внимание, но сами понимаете, что перспектива еще раз послушать «Фауста», как бы это ни было приятно для бывших директоров Оперы, не мешает нам напомнить, что мы не имеем никакого права занимать ложу № 5, которая принадлежит исключительно тому, о ком мы с Вами уже говорили, при этом советуем перечитать последний абзац пункта 63. Примите наши уверения и пр.».

– Эти двое уже начинают мне надоедать, – горячо заговорил Ришар, разрывая на клочки письмо Дебьена и Полиньи.

И в тот же вечер ложа № 5 была сдана. На следующий день Ришар и Моншармен нашли на своем столе рапорт старшего контролера, касающийся событий, которые произошли накануне вечером в ложе № 5.

«Я был вынужден, – писал контролер, – вызвать жандарма и дважды – в начале и в середине второго акта – очистить ложу № 5. Находящиеся в ней, которые, кстати, появились только ко второму акту, устроили настоящий скандал, смеялись и отпускали непристойные замечания.

Со всех сторон на них шикали, и зал начал возмущаться. За мной пришла билетерша, я зашел в ложу и сделал им замечание. Нарушители, по-моему, были немного не в себе и завели со мной странные разговоры. Я предупредил их, что, если подобное повторится, мне придется выдворить их. Не успел я выйти, как снова услышал смех в ложе и шумные протесты в зале. Я позвал жандарма и вывел их. Они протестовали, продолжая смеяться, и заявили, что не уйдут, пока им не возвратят деньги. Наконец они успокоились, и я позволил им снова войти в ложу, но смех тут же возобновился, и на этот раз мы выдворили нарушителей окончательно».

- Пусть пошлют за контролером! - крикнул Ришар, обращаясь к секретарю.

В обязанности секретаря Реми, двадцати четырех лет, элегантного, всегда прекрасно одетого, умного и послушного, получавшего жалованье 2400 франков в год, входило: просматривать газеты, отвечать на письма, распределять ложи и пригласительные билеты, договариваться о встречах, беседовать с посетителями, ожидающими в приемной, навещать больных артистов, искать им замену; но главной его обязанностью была оборона директорского кабинета от нежелательных визитеров. Помимо всего прочего, ему постоянно приходилось быть начеку, чтобы - не дай бог! - не оказаться негодным и выброшенным за дверь без всякой компенсации. И вот секретарь, который уже давно отдал приказание найти главного контролера, ввел его в кабинет.

- Расскажите-ка, что там стряслось вчера? - резко спросил Ришар.

Контролер что-то пробормотал в ответ и сослался на свой рапорт.

- Но почему все-таки эти люди смеялись?

- Господин директор, они, должно быть, хорошо пообедали и скорее были расположены шутить, чем слушать хорошую музыку. Едва войдя в ложу, они позвали билетершу. На ее вопрос: «В чем дело?» - они сказали: «Посмотрите внимательно. Ведь здесь никого нет, так?» - «Никого», - ответила билетерша. «Ну так вот, - заявили они, - когда мы вошли, мы услышали чей-то голос, который сказал, что здесь кто-то есть».

Моншармен с улыбкой наблюдал за Ришаром, однако тому было не до смеха. Он достаточно часто сам проделывал подобного рода трюки, чтобы распознать в наивном рассказе инспектора одну из тех злых шуток, которые вначале забавляют их жертв, но потом приводят их в ярость.

Заметив улыбку на лице Моншармена, контролер счел своим долгом тоже улыбнуться, но тут же взгляд Ришара испепелил беднягу, который поспешил принять сокрушенный вид.

– Скажите же наконец, – загремел ужасный Ришар, – когда они вошли в ложу, там кто-нибудь был?

– Никого, господин директор! Совершенно никого! Ни в ложе справа, ни в ложе слева, клянусь вам. Готов отдать руку на отсечение, что никого там не было. Так что это была лишь шутка.

– А билетерша, что она сказала?

– О! Она просто сказала, что это ложа Призрака Оперы. Вот так-то!

И контролер коротко рассмеялся, однако тут же осознал свою ошибку: так как не успел он произнести последние слова «ложу Призрака Оперы», как и без того темное лицо Ришара стало мрачным, как туча.

– Давайте сюда билетершу! – приказал Ришар. – Немедленно! И выпроводите всю эту толпу за дверь!

Контролер хотел возразить, но Ришар заткнул ему рот грозным:

– Замолчите.

Затем, когда губы несчастного служащего, казалось, были навеки сомкнуты, господин директор приказал им снова раствориться.

– Что это за Призрак Оперы? – проворчал Ришар.

Однако контролер уже был не в состоянии произнести ни слова. Отчаянно пожимая плечами и скривив лицо, он давал понять, что ничего об этом не знает и знать не желает.

– Вы-то хоть видели этого призрака?

Контролер энергично затряс головой.

– Тем хуже! – холодно проговорил Ришар.

Контролер сделал огромные глаза, собираясь спросить, почему господин директор произнес эти угрожающие слова «Тем хуже!».

– Потому что я рассчитаю всех, кто его не видел, – сквозь зубы процедил директор. – Подумать только: призрак шляется по театру, и никто его в глаза не видел! Я заставлю всех заниматься своим делом!

Глава V

Ложа № 5

(Продолжение)

После этих слов Ришар потерял всякий интерес к контролеру и начал обсуждать другие дела с вошедшим администратором. Контролер решил, что пора ретироваться, и потихоньку, пятясь, приблизился к двери и вдруг застыл как вкопанный, услышав окрик заметившего этот маневр Ришара:

– Стоять!

Благодаря расторопности Реми, быстро разыскали билетершу, которая работала еще и консьержкой на улице Прованс в двух шагах от Оперы.

– Как вас зовут?

– Мадам Жири. Вы же меня знаете, господин директор: я – мать малышки Жири, или малышки Мэг, если хотите.

Это было сказано суровым и торжественным тоном, который оказал должное действие на директора. Он оглядел мадам Жири – выцветшая шаль, стоптанные туфли, старенькое платье из тафты, шляпа грязно-серого цвета. Выражение лица Ришара говорило о том, что он вообще не знал и не помнил ни мадам Жири, ни малышку Жири, ни даже малышку Мэг. Однако гордая мадам полагала, что ее должны знать все. Я не знаю, какие у нее были для этого основания, но мне кажется, что от ее имени произошло слово giries[9 - Giries (фр.) – неестественность, кривляние (арго).], которое употребляется в жаргоне артистов.

– Не помню такой, – буркнул наконец директор. – Но все равно расскажите, мадам Жири, как получилось, что вчера вечером вам с контролером пришлось прибегнуть к услугам жандарма?

– Я как раз сама хотела поговорить об этом, господин директор, чтобы с вами не случилось таких неприятностей, как с господами Дебьеном и Полиньи... Они-то ведь тоже не хотели меня слушать сначала...

– Я вас спрашиваю не об этом. Я хочу знать, что произошло вчера вечером.

Мадам Жири вспыхнула от возмущения. С ней никогда не разговаривали подобным тоном. Она встала, собираясь уйти, начала поправлять юбку и энергично потряхивать шляпкой грязного цвета, но потом передумала, снова села и сказала недовольным голосом:

– А то произошло, что опять обидели нашего призрака!

Ришар был готов взорваться, но тут вмешался Моншармен, взял допрос в свои руки и выяснил, что билетерша находит вполне естественным голос, который заявил из совершенно пустой ложи, что она занята. Она могла объяснить этот феномен, который, кстати, не был для нее новостью, только присутствием в ложе призрака. По-настоящему этого призрака никто ни разу не видел, зато слышали его многие, да она и сама часто его слышала, а уж ей-то можно верить, потому что мадам Жири никогда не лжет. Если хотят, они могут спросить у

господ Дебьена и Полиньи и вообще у всех, кто ее знает, а также у господина Исидора Саака, которому призрак сломал ногу.

- Чего-чего? - перебил ее Моншармен. - Призрак сломал ногу бедняге Сааку?

Мадам Жири широко открыла глаза, пораженная таким глухим невежеством. Наконец она снисходительно согласилась просветить несчастных. Так вот, это случилось во времена Дебьена и Полиньи, и опять-таки в ложе № 5, и снова во время представления «Фауста».

Билетерша откашлялась, попробовала голос и начала... Казалось, она намеревается спеть всю партитуру оперы Гуно.

- Это было так, месье. В тот вечер в первом ряду сидел господин Маньера со своей дамой, ну, вы должны его знать - гранильщик драгоценных камней с улицы Могадор, а позади мадам Маньера - их близкий друг Исидор Саак. Мефистофель запел (мадам Жири спела эту строчку): «Смирная дрожь, зачем под нож...» И вот тут Маньера слышит справа (его жена сидела слева) голос, который говорит ему прямо в ухо: «Ха, ха! Наша Жюли не смиряла бы дрожь!» (Мадам Маньера как раз и звали Жюли.) Господин Маньера поворачивается направо посмотреть, кто с ним разговаривает. Никого! Он трет себе ухо и бормочет: «Неужели почудилось?» А тем временем Мефистофель продолжает петь... Но, может быть, я вам наскучила, господа?

- Нет-нет! Продолжайте!

- Господа директора очень любезны, - мадам Жири скорчила гримасу. - Так вот, Мефистофель продолжает петь, - и она снова затянула: «Смирная дрожь, зачем под нож, Катринхен, к милому идешь и гибели не видишь? Пусть он хорош, пусть он пригож, - ты девушкой к нему войдешь, но девушкой не выйдешь»[10 - Здесь и далее стихи из «Фауста» даны в переводе Б. Пастернака.]. И тут Маньера слышит, опять в правом ухе, тот же голос: «Ха! Ха! Жюли не отказалась бы пойти к Исидору». Он снова поворачивается - теперь уже в сторону Жюли и Исидора, и что же он видит? А видит он Исидора, который держит его жену за локоток и покрывает поцелуями ее руку... Вот так, дорогие мои господа, - и мадам Жири страстно поцеловала уголок обнаженной кожи над своей нитяной перчаткой. - Ну а потом... Можете себе представить, что было потом! Трах! Бах! Маньера - здоровый и сильный - вот как вы, месье Ришар, - залепил Исидору

Сааку пару хороших оплеух, а Исидор – худой и слабый – вот как вы, господин Моншармен, – хотя я очень уважаю его. Произошел скандал. В зале кричат: «Хватит! Хватит! Он убьет его!» Наконец Исидору удалось сбежать...

– Так призрак все-таки не сломал ему ногу? – спросил Моншармен, немного оскорбленный тем, что его телосложение произвело столь малое впечатление на мадам Жири.

– Сломал, месье, – высокомерно ответила мадам Жири. – Сломал совсем, когда наш Исидор бежал по парадной лестнице. Да так сломал, бедняга, что не скоро очухается...

– Значит, это призрак рассказал вам о том, что он шептал в правое ухо господину Маньера? – осведомился Моншармен с серьезным видом настоящего следователя, который сам он находил очень забавным.

– Нет, сударь. Это господин Маньера...

– Но вы-то сами разговаривали с призраком, милая дама?

– Вот так же, как сейчас разговариваю с вами, уважаемый господин...

– Когда он с вами говорил и что сказал?

– Ну, он просил принести ему скамеечку для ног.

Лицо мадам Жири, торжественным тоном произносившей эти слова, стало твердым, как желтоватый, испещренный красными прожилками мрамор колонн, которые поддерживают большую парадную лестницу, мрамор этот еще называют пиренейским.

Только теперь Ришар, вместе с Моншарменом и секретарем Реми, разразился громовым хохотом. Старший контролер, помня свой горький опыт, не смеялся. Опершись спиной о стену и перебирая в кармане ключи, он думал, чем кончится эта история. Чем больше высокомерия появлялось в лице мадам Жири, тем больше он опасался вспышки директорского гнева. Но неожиданно, не дожидаясь этой вспышки, мадам Жири не на шутку рассердилась.

– Вместо того чтобы смеяться, господа, – с негодованием заговорила она, – вам бы лучше последовать примеру господина Полиньи, который сам убедился...

– В чем он убедился? – переспросил Моншармен, который никогда еще так не веселился.

– В том, что призрак существует! Я вам целый час толкую об этом... – Неожиданно она успокоилась, почувствовав всю серьезность момента. – Я все помню так, будто это было только вчера. В тот раз давали «Еврейку»[11 - «Еврейка» – опера в 5 актах на музыку Ф. Галеви и слова Э. Скриба. Впервые поставлена в Опере в 1835 г.]. Господин Полиньи захотел сидеть в ложе один. Я хочу сказать, в ложе призрака. Мадемуазель Краусс имела огромный успех. Она уже спела эту штуку – ну, вы знаете: из второго акта. – И мадам Жири вполголоса напела:

Хочу с тобой, любимый мой,

Я жить и умереть.

И верю я, любимый мой,

Нас не разлучит смерть.

– Хорошо, хорошо! Я понял, – кисло улыбнулся Моншармен.

Однако мадам Жири продолжала, помахивая шляпкой грязно-серого цвета с пером:

Умчимся в край небесно-голубой,

Одна судьба связала нас с тобой.

– Да! Да! Нам все понятно, – нетерпеливо проговорил Ришар. – Ну и что дальше?

– А дальше Леопольд восклицает: «Бежим!», а Элеазар их останавливает и спрашивает: «Куда спешите вы?» Так вот, как раз в этот самый момент господин Полиньи – я видела это из соседней боковой ложи – встает и выходит прямой как палка. Я успела спросить его точно так же, как Элеазар: «Вы куда?» Он мне даже не ответил, он был бледен как смерть! Я видела, как он спускался с

лестницы, правда, ногу он не сломал... Шел, будто во сне, в дурном сне; не мог отыскать нужный поворот, и это он, которому платили за то, чтобы он хорошо знал Оперу.

Мадам Жири замолчала, ожидая реакции слушателей, которые ограничились тем, что неопределенно кивнули головами.

– Однако вы так и не сказали, как и при каких обстоятельствах Призрак Оперы попросил у вас скамеечку, – продолжал допытываться Моншармен, пристально глядя в глаза билетерше.

– Ну, это случилось после того самого вечера, потому что тогда-то и оставили в покое нашего призрака... Больше не отбирали у него ложу. Господа директора распорядились оставить эту ложу для него на все представления. И когда он приходил, он просил у меня маленькую скамеечку.

– Хо! Хо! Призрак просил скамеечку! Выходит, ваш призрак – женщина?

– Нет, призрак – мужчина.

– Откуда вы знаете?

– У него мужской голос, вот откуда! А происходит это так: он приходит в Оперу обычно в середине первого акта и стучит три раза в дверь ложи номер пять. Когда я в первый раз услышала этот стук, я хорошо знала, что в ложе никого нет, так что можете себе представить, как я была потрясена. Я открываю дверь, вслушиваюсь, всматриваюсь – никого! И тут услышала голос: «Мадам Жюль (это фамилия моего покойного мужа), будьте добры, принесите мне скамеечку». И знаете, господин директор, меня прямо в жар бросило... Но голос продолжал: «Не пугайтесь, мадам Жюль, это я, Призрак Оперы!» Я посмотрела в ту сторону, откуда доносился голос, который, между прочим, был такой приятный и располагающий, что я почти не испугалась. Голос этот, господин директор, сидел в первом кресле первого ряда справа. Хотя я никого не увидела, могу поклясться, что в кресле кто-то был, и кто-то очень даже воспитанный, уж можете мне поверить.

– А ложа справа от ложи номер пять не была занята? – спросил Моншармен.

– Нет, ни ложа номер семь справа, ни ложа номер три слева. Спектакль только начинался.

– И что вы сделали?

– Принесла скамеечку. Наверное, он просил ее не для себя, а для дамы. Но эту даму я не видела и не слышала.

Каково! Выходит, у призрака есть еще и женщина!

Взгляды Моншармена и Ришара остановились на контролере, который стоял за спиной билетерши и взмахивал руками, чтобы привлечь к себе внимание директоров. Когда они посмотрели на него, он красноречивым жестом покрутил пальцем у виска – жест этот означал, что матушка Жири не иначе как свихнулась. Эта пантомима окончательно укрепила Ришара в мысли: расстаться с контролером, который держит у себя работников, страдающих галлюцинациями. А женщина между тем вдохновенно продолжала:

– После спектакля он всегда мне дает монету в сорок су, иногда сто су, а несколько раз, после того как его не бывало по несколько дней, я получала даже десять франков. А теперь, когда ему опять начали докучать, он мне больше ничего не дает...

– Простите, дорогая, – начал Моншармен, и мадам Жири снова потрянула своей серой шляпкой с пером, возмущившись такой фамильярностью. – Простите, но как призрак вручает вам деньги?

– Да он просто-напросто оставляет их на столике в ложе, и я забираю их вместе с программкой, которую всегда приношу ему. Иногда я там нахожу даже цветы, например, розу, наверняка выпавшую из корсажа дамы. Да, я уверена, что иногда он приходит с женщиной, потому что однажды они оставили веер.

– Вот как? Веер? И что вы с ним сделали?

– Ничего. На следующем спектакле вернула его.

В этот момент старший контролер подал голос:

– Вы нарушили правила, мадам Жири, и я вас оштрафую.

– Замолчите, идиот! – прошипел Ришар.

– Вы вернули веер. Ну а дальше?

– А дальше они забрали его, господин директор, после спектакля его там уже не было, и вместо него они оставили коробку с конфетами, которые я просто обожаю. Это один из маленьких знаков внимания призрака.

– Хорошо, мадам Жири. Вы можете идти.

Когда билетерша с почтением и не без присущего ей достоинства попрощалась с директорами, они объявили старшему контролеру, что решили отказаться от услуг этой сумасшедшей старухи. После этого они отпустили контролера. Когда он вышел, не переставая уверять в своей преданности театру, они предупредили администратора, что он должен дать расчет господину контролеру. Оставшись наконец одни, оба директора переглянулись – в голову обоим одновременно пришла одна и та же мысль: совершить маленькую прогулку в ложу № 5.

Позже и мы последуем за ними.

Глава VI

Волшебная скрипка

Кристина Даэ, ставшая жертвой интриг, о которых мы еще успеем поговорить, не сразу закрепила шумный успех, выпавший ей в тот памятный торжественный вечер, и долго не появлялась на сцене. Однако она выступила в доме герцогини Цюрихской, где исполняла самые лучшие вещи из своего репертуара, и вот что пишет о ней известный критик X.:

«Когда мы слышим ее в «Гамлете», нам кажется, будто сам Шекспир прибыл на Елисейские Поля репетировать вместе с нею партию Офелии. А когда ее голову

венчает звездная диадема Королевы Ночи, с небес должен сойти Моцарт, чтобы услышать ее пение. Впрочем, не стоит беспокоить великую тень – высокий, изобилующий переливами голос исполнительницы главной партии в «Волшебной флейте» сам достигает заоблачных высот, взмывая туда с той же легкостью, с какой перелетает из сельской хижины Скотелофа во дворец из золота и мрамора, выстроенный господином Гарнье»[12 - Имеется в виду здание Парижской оперы, построенное архитектором Ш. Гарнье.]

После вечера у герцогини Цюрихской Кристина больше не пела в светских салонах и отказывалась от всех приглашений. Она, никак не объяснив свой отказ, даже не участвовала в благотворительном вечере, которому раньше обещала свое присутствие. Казалось, она перестала быть хозяйкой своей судьбы или же боялась нового триумфа.

Она знала, что граф де Шаньи, желая сделать приятное своему брату, очень много хлопотал за нее перед господином Ришаром, и написала графу благодарственное письмо, в котором умоляла больше не делать этого и не беспокоить директоров. В чем же были причины столь странного поведения певицы? Одни считали, что все дело заключается в непомерной гордыне, другие говорили о божественной скромности. Подобная скромность в театре невозможна! Я полагаю, что Кристина Даэ просто-напросто испугалась свалившегося на нее, как с неба, триумфа и была ошарашена им не менее, чем многие другие. Ошарашена? Не то слово! Я располагаю письмом Кристины из архива Перса, в котором описываются события того времени. Так вот, прочитав его еще раз, я уже не могу сказать, что Кристина была просто ошарашена или напугана своим триумфом: она была в настоящем ужасе. Да, да! В ужасе! «Я больше не узнаю себя, когда пою!» – пишет она.

Бедное, невинное дитя!

Она нигде не показывалась, и виконт де Шаньи напрасно искал с ней встречи. Он написал ей, прося позволения навестить ее, и уже отчаялся ждать ответа, когда однажды утром получил такую записку:

«Сударь, я вовсе не забыла того маленького мальчика, который выловил мой шарф в море. Я должна написать Вам об этом сегодня, когда уезжаю в Перрос,

ведомая священным долгом. Завтра годовщина смерти моего бедного отца, которого Вы знали и который так любил Вас. Он похоронен там вместе со своей скрипкой, на кладбище, окружающем маленькую церковь, у подножия холма, где мы играли детьми, рядом с той дорогой, где мы, повзрослев, в последний раз простились друг с другом».

Прочитав записку Кристины, виконт де Шаньи схватил расписание поездов, поспешно оделся, написал несколько строк, которые камердинер должен был передать старшему брату, и вскочил в карету, доставившую его к вокзалу Монпарнас. Однако на утренний поезд он опоздал.

Рауль провел ужасный день и успокоился только вечером, когда устроился в своем вагоне. Всю дорогу он перечитывал записку Кристины, вдыхая запах ее духов и воскрешая нежный образ своей юности. Тяжелая ночь прошла в горячечном сне, началом и концом которого была Кристина Даэ. Уже рассвело, когда Рауль приехал в Ланьон. Единственным пассажиром он сел в дилижанс, отправлявшийся на Перрос-Гирек. На его расспросы кучер ответил, что накануне вечером молодая женщина, похожая на парижанку, попросила отвезти ее в Перрос и сошла у постоялого двора под названием «Солнечный закат». Она приехала одна, без провожатых. Рауль глубоко вздохнул. Наконец-то в этой мирной тиши он может спокойно поговорить с Кристиной. Он любил ее до беспамятства. Этот юноша, объехавший мир, оставался чист, как девушка, никогда не покидавшая материнского дома.

Приближаясь к предмету своей любви, он перебирал в памяти историю маленькой девочки-шведки, ставшей певицей.

Когда-то в маленькой деревушке в окрестностях Упсаала жил крестьянин с семьей, он в течение недели возделывал свое поле, а по воскресеньям пел на аналое в церкви. У крестьянина была дочка, которую он еще до того, как она научилась читать, научил разбирать нотную грамоту. Сам того не сознавая, папаша Даэ был великим музыкантом. Он играл на скрипке и считался лучшим деревенским скрипачом во всей Скандинавии. Слава его росла, его постоянно приглашали на свадьбы и праздники. Матушка Даэ умерла, когда Кристине шел шестой год. Вслед за тем отец, который любил только свою дочь и свою музыку, продал свой участок земли и отправился искать счастья в Упсаалу. Но нашел там только нищету.

Тогда он возвратился в деревню и начал странствовать по ярмаркам, наигрывая скандинавские мелодии, а дочь, никогда не расстававшаяся с ним, с восторгом слушала его скрипку или пела под нее. Однажды на ярмарке в Лимби их обоих услышал профессор Валериус и отвез в Готенбург. Он утверждал, что отец – первый скрипач в мире и что у дочери задатки великой певицы. Он позаботился о том, чтобы ребенок получил должное воспитание и образование. Девочка восхищала всех окружающих своей красотой, грацией и жаждой знаний. Когда профессору Валериусу потребовалось уехать во Францию, он взял с собой Даэ и Кристину, с которой госпожа Валериус обращалась, как с дочерью. А вот отец девочки, оторванный от родины, затосковал не на шутку. В Париже он никуда не выходил. Он жил будто во сне, который разделяла с ним только его скрипка. Целыми часами он сидел в комнате вместе с дочерью, и тогда в доме слышались печальные звуки скрипки и тихое пение. Иногда госпожа Валериус приходила послушать их за дверью, вздыхала, смахивала слезу и на цыпочках возвращалась к себе. Она тоже тосковала по синему скандинавскому небу.

Папаша Даэ приходил в себя только летом, когда все семейство уезжало в деревню, в Перрос-Гирек – глухой бретонский уголок, который в ту пору был почти неизвестен парижанам. Он полюбил здешнее море, потому что оно напоминало ему родную северную синь, и, сидя на прибрежном песке, наигрывал самые печальные напевы и уверял дочь, что море замолкает и слушает их. Потом у него появилась новая причуда.

Во время сельских праздников он, как когда-то на родине, брал скрипку и, спросив разрешения у госпожи Валериус, уводил свою дочь из города на несколько дней. Они дарили музыку жителям самых бедных деревушек и спали в сараях, отказываясь от кроватей на постоянных дворах, забираясь в солому и прижимаясь друг к другу, как в те времена в Швеции, когда были бедны.

Одеты они были довольно прилично, отвергали протягиваемые им монеты, не просили милостыню, и слушатели никак не могли понять поведение этого скрипача, бродившего по дорогам с маленькой прелестной девочкой с ангельским голосом, и ходили за ним из деревни в деревню.

Как-то раз городской мальчик, гулявший со своей гувернанткой, заставил ее проделать долгий путь, потому что никак не мог решиться покинуть девочку, чей голос, такой нежный и чистый, заморозил его. Так они пришли к бухточке, которая называется Трестару. В то время там были только небо, море и золотой песок. Еще там дул сильный ветер, который сорвал шарф Кристины и унес его в

море. Кристина закричала, вскинула руки, но легкий лоскут уже колыхался на волнах далеко от берега. И тут Кристина услышала мальчишеский голос:

- Не волнуйтесь, мадемуазель, я достану ваш шарф.

Она увидела мальчика, который бежал к ней, несмотря на крики и протестующие возгласы одетой в черное женщины. Мальчик прямо в одежде бросился в воду и достал шарф. Дама в черном никак не могла успокоиться, а Кристина радостно засмеялась и поцеловала мальчика. Это был виконт Рауль де Шаньи. В то лето он гостил у своей тетки в Ланьоне. С той поры они встречались почти каждый день и играли вместе. По просьбе тетки и по совету профессора Валериуса добрейший папаша Даэ согласился давать уроки игры на скрипке юному виконту. И Рауль полюбил те же напевы, которые с детства питали душу Кристины.

Их детские мечтательные сердца сладко замирали, когда они слушали невероятные истории, старые бретонские сказки, которые им приходилось выпрашивать под дверями, как нищим: «Мадам, расскажите, пожалуйста, еще что-нибудь». А какая старая бретонка не видела хотя бы раз в жизни, как танцуют эльфы и феи в вересковых зарослях при свете луны?

Но самое интересное происходило в сумерках, в мирной тишине, после того как солнце опускалось в море и папаша Даэ садился возле них и негромким голосом, будто боялся спугнуть воскрешаемые им призраки, рассказывал красивые, убаюкивающие или страшные легенды северных стран. Иногда они были прекрасны, как сказки Андерсена, иногда печальны, как песни великого поэта Рунеберга. Когда он умолкал, дети просили: «Еще!»

Была одна история, которая начиналась так:

«Однажды некий король плыл в своем маленьком челноке по одному из тех спокойных и глубоких озер, которые, наподобие сверкающих глаз, открываются посреди норвежских гор...»

Или еще одна:

«Маленькая Лотта думала обо всем и не думала ни о чем. Летней птичкой она порхала в золотых солнечных лучах с весенней короной на белокурых волосах.

Душа ее была такой же чистой и голубой, как ее глаза. Она любила свою мать, любила свою куклу, заботилась о своем платье, красных туфельках и скрипке, но пуще всего она любила, засыпая, слушать ангела музыки».

Пока папаша Даэ рассказывал, Рауль смотрел в синие глаза и на золотистые волосы Кристины. А Кристина думала о том, как была счастлива маленькая Лотта, когда засыпала и слушала ангела музыки. У папаши Даэ почти не было историй, в которых не присутствовал бы ангел музыки, и дети без конца просили рассказать об этом ангеле. Даэ отвечал, что все великие музыканты, все великие артисты хотя бы раз в жизни встречались с ангелом музыки. Иногда он склоняется над их колыбелькой, как это случилось с маленькой Лоттой, и тогда появляются вундеркинды, которые в шесть лет играют на скрипке лучше, чем пятидесятилетние музыканты. Иногда ангел музыки приходит позже, потому что дети непослушны и не хотят учиться и повторять гаммы. А бывает, что ангел не приходит вовсе, потому что сердце человека нечисто и совесть неспокойна. Ангела никто никогда не видит, но избранные души слышат его. Происходит это чаще всего в такие моменты, когда люди меньше всего этого ожидают, когда они пребывают в печали и отчаянии. И вот тогда в ушах начинает звучать неземная музыка, слышится божественный голос, и они запоминают его на всю свою жизнь. Тех, кого посетил ангел, будто коснулся огонь небесный. Они испытывают трепет, который неведом прочим смертным. Они получают волшебный дар – любой инструмент, к которому они прикасаются, и собственный их голос рождают звуки, посрамляющие своей красотой всю музыку мира. А люди не знают, что этих счастливых посетил ангел музыки, и называют их гениальными.

Маленькая Кристина однажды спросила отца, слышал ли он ангела. Отец грустно покачал головой, потом сверкнул глазами, глядя на дочь, и сказал:

– А ты, дитя мое, обязательно его услышишь! Когда я буду в небесах, я пошлю его к тебе.

К тому времени папашу Даэ начал одолевать надрывный кашель.

Наступила осень и разлучила Рауля и Кристину.

Увиделись они только три года спустя, в пору своей юности. Это произошло опять в Перросе, и Рауль запомнил эту встречу на всю жизнь. Профессор

Валериус уже умер, но его вдова осталась во Франции вместе с Даэ и его дочерью, которые продолжали петь и играть на скрипке. Госпожа Валериус, как будто в водоворот, втягивалась в их прекрасные грезы и, казалось, тоже жила теперь только музыкой. Однажды юноша случайно заехал в Перрос и сразу поспешил в дом, где когда-то жила его подружка. Навстречу ему поднялся старый Даэ и со слезами на глазах поцеловал его. Они помнят его, говорил растроганный старик. И действительно, не проходило и дня, чтобы Кристина не вспоминала о Рауле. Старик говорил еще что-то, но в этот момент открылась дверь и появилось прелестное создание с подносом в руках, на котором стояли две чашки с дымящимся чаем. Кристина узнала Рауля, поставила поднос, и ее красивое лицо залилось краской смущения. Она стояла молча и нерешительно, а отец смотрел на них. Потом Рауль приблизился и поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась. Потом она, смущаясь по-прежнему, задала ему несколько вежливых, ничего не значащих вопросов и скоро удалилась, считая, что исполнила свои обязанности хозяйки. Кристина вышла в сад и присела на скамеечку. Ее девичье сердце первый раз тревожили незнакомые прежде чувства. Рауль вышел к ней, и они беседовали до вечера, так и не преодолев разделявшую их неловкость. Они оба изменились за эти годы и как будто даже не узнавали друг друга. Оба были осторожны, как дипломаты, и рассказывали друг другу вещи, не имевшие никакого отношения к новым чувствам, которые рождались в их сердцах. Когда они прощались, Рауль прижал к губам ее дрожащую руку и тихо сказал: «Я никогда вас не забуду, мадемуазель». И пошел прочь, сожалея о своих необдуманных словах, потому что Кристина Даэ не может стать женой виконта де Шаньи.

А Кристина вернулась к отцу и сказала: «Ты не находишь, что Рауль не такой любезный, как прежде? Я его больше не люблю». С того дня она старалась не думать о нем, но это было нелегко, и она с головой погрузилась в свое искусство. Ее успехи были просто поразительны: те, кто слышал ее, предсказывали, что она станет лучшей певицей в мире. Потом отец ее умер, и как-то вдруг вместе с отцом она будто потеряла голос, душу и талант. У нее осталось достаточно и того и другого, чтобы поступить в консерваторию, но не более. Училась без вдохновения, переходила из класса в класс и получила приз, только чтобы сделать приятное старой госпоже Валериус, с которой она по-прежнему жила. Когда Рауль впервые увидел Кристину в Опере, он был очарован красотой девушки, и сладкие воспоминания нахлынули на него, однако пение ее чем-то его оттолкнуло, показалось бездушным. Он приходил еще и еще, искал ее за кулисами, поджидал за сценой, пытаясь привлечь ее внимание. Не один раз сопровождал до самого порога ее артистической уборной, но она не замечала его. Она, казалось, вообще никого не замечала. Рауль страдал от

такого безразличия, потому что она была красива, а он робок и не смел признаться даже самому себе, что влюблен. Затем случилось невероятное – тот памятный торжественный вечер: разверзлись небеса, и ангельский голос сошел на землю, покори́л всех и полностью завладел его сердцем...

А потом – потом был мужской голос за дверью: «Ты должна любить меня!» – и пустая артистическая...

Почему она засмеялась, когда он сказал ей, только что открывшей после обморока глаза: «Я тот мальчик, который выловил ваш шарф в море». Почему она не узнала его? И почему же тогда написала записку?

Ах! Какой долгий-долгий путь... Вот перекресток трех дорог... Вот пустынная равнина, отдающие холодом вересковые заросли, мертвенно неподвижный пейзаж под белесым небом. Позванивают стекла, и этот звон в ушах кажется бесконечным... Как гремит этот дилижанс, и как медленно он движется! Он узнавал хжины, изгороди, кусты и деревья у дороги... Вот последний поворот, за ним будет море... и большая бухта Перрос...

Итак, она сошла у постоялого двора «Солнечный закат». Он здесь единственный и, кстати, совсем недурен. Сколько сказочных историй слушали они здесь, затаив дыхание! Как бьется сердце! Что она скажет, увидев его?

Первой, кого он встретил, входя в старый закопченный зал постоялого двора, была мамаша Трикар. Она узнала его, сказала, что он прекрасно выглядит, спросила, что его привело сюда. Он покраснел и ответил, что едет по делам в Лондон и заехал повидать ее. Старушка бросилась накрывать на стол, но он с благодарностью отказался. Казалось, что он ждет чего-то или кого-то. Открылась дверь, и он вскочил на ноги. Он не ошибся: это она! Он хотел заговорить и не смог. Кристина стояла перед ним улыбающаяся, но ничуть не удивленная. У нее было свежее розовое лицо, будто земляника в тенистом лесу. Она немного запыхалась от быстрой ходьбы, и грудь ее, в которой билось чистое девичье сердце, слегка вздымалась. В глазах-озерах цвета бледной лазури, неподвижно мечтательных и потаенно мерцающих, отражалась ее детская душа. Под распахнутым меховым пальто угадывались гибкая талия и изящные линии юного грациозного тела. Рауль и Кристина долго смотрели в глаза друг другу. Мамаша Трикар понимающе улыбнулась и незаметно вышла. Наконец Кристина заговорила:

– Я знала, что вы приедете. У меня было предчувствие, что я встречу вас в этом доме, когда вернусь с мессы. Мне кто-то подсказал это там, в церкви. Да, мой друг, меня предупредили о вашем приезде.

– Кто же? – улыбнулся Рауль и взял в свои руки маленькую руку девушки, которую она не отняла.

– Мой покойный папа.

Наступило молчание. Потом Рауль продолжал:

– Отец говорил вам, Кристина, что я люблю вас и не могу без вас жить?

Кристина покраснела до корней волос и отвела глаза в сторону.

– Меня? Вы сошли с ума, – проговорила она дрожащим голосом.

– Не смейтесь, Кристина, это очень серьезно.

– Не для того я просила вас приехать сюда, – строго сказала она, – чтобы вы говорили подобные вещи.

– Вы просили меня?.. Ну да, вы знали, что ваше письмо не оставит меня равнодушным и я примчусь в Перрос. Значит, вы думали о том, что я люблю вас?

– Я думала, что вы вспомните о нашем детстве... и о моем отце. В сущности, я сама не знаю, о чем думала... Может быть, мне не следовало вам писать. Ваше внезапное появление в моей артистической в тот вечер унесло меня далеко-далеко в прошлое. И когда я вам писала, я вновь стала той маленькой девочкой, которая очень хочет увидеть в минуту грусти и одиночества друга детства.

Снова наступило молчание. Что-то в поведении Кристины показалось ему неестественным, но он не мог понять, что именно. Однако враждебности он не чувствовал, скорее наоборот... Была какая-то нежность в ее глазах. Но почему в этой нежности угадывалась печаль? Он хотел знать это и уже начинал сердиться...

– Когда я пришел в вашу артистическую, вы впервые заметили меня, Кристина?

Она не умела лгать и ответила:

– Нет. Я не раз видела вас в ложе вашего брата. И еще на сцене, за кулисами.

– Я догадывался, – начал Рауль и прикусил губу. – Но почему же, когда вы увидели меня в своей уборной, у ваших ног, и вспомнили, что я – тот самый мальчик, который достал ваш шарф из моря, почему вы сделали вид, будто незнакомы со мной, и засмеялись?

Он проговорил все это таким суровым тоном, что Кристина молча, с удивлением посмотрела на него. Юноша сам был неприятно поражен собственными резкими словами и тотчас пожалел о них. Таким тоном мог бы говорить оскорбленный муж или любовник. Он рассердился на себя, на свою глупость, но единственным выходом из этого неловкого положения ему казалось принятое им решение быть грубым до конца.

– Вы молчите! – снова заговорил он, злой и несчастный. – Ну ладно, я сам отвечу за вас. Дело в том, что в комнате был кто-то, кто смущал вас, Кристина, перед кем вы не хотели показать, что знаете меня...

– Если это и было так, мой друг, – ледяным тоном прервала его Кристина, – если кто-то и смущал меня в тот вечер, так только вы сами, поэтому я и выставила вас за дверь.

– Да! Чтобы остаться с тем, другим!

– О чем вы? – удивилась девушка. – О каком другом вы говорите?

– О том, кому вы сказали: «Я пою только для вас! Сегодня я отдала вам всю душу!»

Кристина схватила руку Рауля и сжала ее с силой, какую он и не подозревал в этой хрупкой девушке.

– Вы подслушивали за дверью?

- Да, потому что люблю вас... Я все слышал.

- Что вы слышали? - Девушка неожиданно успокоилась и отпустила руку.

- Он сказал вам: «Ты должна любить меня».

При этих словах мертвенная бледность залила лицо Кристины, глаза ее закатились. Она покачнулась, Рауль подскочил к ней, подхватил ее, но Кристина уже пришла в себя и тихим, почти умирающим голосом произнесла:

- Скажите! Скажите, что вы слышали еще!

Рауль озадаченно посмотрел на нее, ничего не понимая.

- Говорите же! Не мучайте меня!

- Еще я слышал, как он вам ответил, когда вы сказали, что отдали ему душу: «Твоя душа прекрасна, дитя мое, и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка. Сегодня ангелы плакали».

Кристина прижала руку к сердцу и в неописуемом волнении пристально посмотрела на Рауля. В ее пронзительном неподвижном взгляде было безумие. Рауль испугался. Но вот глаза ее увлажнились, и по матовым щекам покатались две жемчужины, две тяжелых слезы...

- Кристина!

- Рауль!

Юноша хотел обнять ее, но она выскользнула из его рук и стремительно выскочила за дверь.

Пока Кристина сидела, запершись, в своей комнате, Рауль жестоко корил себя, но, с другой стороны, его терзала ревность. Если девушка так разволновалась, узнав, что ее тайна раскрыта, значит, это было для нее очень важно. Конечно, несмотря на то что он услышал, Рауль несколько не сомневался в чистоте

Кристины: во-первых, он знал ее безупречную репутацию, во-вторых, он был уже не ребенок и понимал, что артисткам порой приходится выслушивать назойливые признания в любви. Она ответила, что отдала всю свою душу, но, очевидно, она имела в виду только пение и музыку. Очевидно ли? Тогда откуда такое волнение? Боже мой, как несчастен был Рауль! Если бы только встретить того человека, тот мужской голос, он уж потребовал бы объяснений.

Почему убежала Кристина? И почему так долго не выходит?

От обеда он отказался. Он был в полном смятении и страдал от того, что эти часы, в которые он вложил столько сладостных надежд, проходили впустую, без юной шведки, которая даже не захотела прогуляться с ним по местам, пробуждавшим столько общих воспоминаний. И почему она не возвращается в Париж, ведь в Перросе делать ей больше нечего? Он узнал, что утром она заказала мессу за упокой души отца и долгие часы провела в молитвах в маленькой церкви и на могиле скрипача.

Грустный, снедаемый отчаянием, Рауль отправился на кладбище, окружавшее церквушку. Толкнул калитку и в одиночестве начал бродить среди могил, вглядываясь в надписи на плитах. Зайдя за апсиду, он сразу же узнал могилу старого Даэ по ослепительно ярким цветам, печально лежавшим на гранитной могильной плите, свешивая головки до белой, как саван, земли. Они пронизывали своим ароматом этот заледенелый уголок бретонской земли. Это были чудесные красные розы, которые, как будто по волшебству, распустились среди снега. Это был кусочек жизни в стране мертвых, ведь смерть здесь была повсюду. Смерть вылезала из земли, которая, казалось, исторгала из себя останки, которые уже не могла вместить. У стены церкви были навалены скелеты и черепа – сотни и сотни поблекших костей, – поддерживаемые железной проволокой. Черепа, сложенные в кучу, как кирпичи, укрепленные через определенные интервалы ослепительно белыми костями, казалось, образуют фундамент, на котором построены стены ризницы. Дверь ее открывалась в самой середине этого храма из костей, как это бывает в старых бретонских церквях.

Рауль помолился за старого Даэ, потом, провожаемый вечными улыбками мертвых голов, покинул кладбище, поднялся на холм и присел на краю пустынной равнины, которая спускалась к морю. Злой ветер гулял по песчаному берегу и свирепо гонялся за робкими отсветами дневного света, который убегал, ускользал, и скоро от него оставалась только узкая бледная полоска на

горизонте. Тогда ветер затих. Наступил вечер. Рауля окутывали холодные тени, но холода он не чувствовал. Его мысли бесцельно бродили по пустынным песчаным дюнам и были полны воспоминаниями. Вон там, на том месте, когда опускались сумерки, они с Кристиной часто смотрели, как танцуют феи, а в темном небе тем временем вставала луна. По правде говоря, он никогда не видел никаких фей, хотя имел хорошее зрение. Кристина же, будучи чуточку близорукой, утверждала, что видит их. Он улыбнулся при этой мысли, потом неожиданно вздрогнул. Рядом с ним, неизвестно откуда, бесшумно появилась человеческая тень и послышался голос:

- Вы думаете, что феи придут сегодня вечером?

Это была Кристина. Он хотел заговорить, она прикрыла ему рот рукой в перчатке.

- Выслушайте меня, Рауль, я хочу вам сказать что-то важное, очень важное.

Голос ее дрожал. После недолгой паузы она продолжала:

- Вы помните, Рауль, легенду об ангеле музыки?

- Еще бы не помнить! Ее рассказывал нам ваш отец.

- Вот на этом самом месте он сказал мне: «Когда я буду на небесах, дитя мое, я пришлю его к тебе». Так вот, Рауль, мой отец на небесах, и этот ангел сошел ко мне.

- Я не сомневаюсь, - резко откликнулся юноша, так как ему показалось, что охваченная экзальтацией Кристина смешала воспоминание о своем отце со своим недавним триумфом.

Девушку неприятно удивило хладнокровие, с которым виконт де Шаньи воспринял известие о том, что ее посетил ангел музыки.

- Вы его слышали? - спросила она, приблизив свое бледное лицо так близко к лицу юноши, что он решил, что Кристина собралась поцеловать его, но она только заглянула ему в глаза.

– Я слышал, как вы пели в тот вечер: ни одно человеческое существо не может так петь, если только ему не помогает само небо. На земле нет профессора, который мог бы научить этому. Вы слышали ангела музыки, Кристина.

– Да, – торжественно заявила она. – В моей артистической уборной. Там он дает мне ежедневные уроки.

При этом голос ее был настолько проникновенным и странным, что Рауль смотрел на нее озабоченно, как смотрят на человека, который говорит невообразимую чепуху и верит в нее всеми извилинами своего больного мозга. Но она тут же отстранилась, теперь она казалась только тенью, темным пятном в ночи.

– В вашей артистической? – как эхо повторил он.

– Да, там я услышала его, и услышала не одна...

– Кто же еще его слышал?

– Вы, мой друг.

– Я? Слышал ангела музыки?

– Да. В тот вечер это был его голос, когда вы стояли за дверью. Это он сказал мне: «Ты должна любить меня». Но мне казалось, что слышу его только я. Поэтому можете представить мое удивление, когда я сегодня узнала, что и вы его слышали.

Рауль расхохотался. И тотчас над пустынной равниной расступилась ночь, и первые лучи лунного света упали на молодых людей. Кристина повернулась к Раулю, ее глаза, обычно такие мягкие и нежные, метали молнии.

– Почему вы смеетесь? Может быть, вы думаете, что слышали голос мужчины?

– Черт меня побери! – воскликнул юноша, у которого начали путаться мысли.

– И это вы, Рауль! Это вы говорите мне такие вещи! Мой друг детства! Друг моего отца! Я не узнаю вас. Что вы себе воображаете? Я – честная девушка, господин виконт де Шаньи, и не запираюсь с мужчинами в своей уборной. Если бы вы открыли дверь, вы бы увидели, что там никого нет.

– Это правда. Когда вы вышли, я открыл дверь и никого в комнате не нашел...

– Ну так что вы теперь скажете?

Виконт призвал на помощь все свое мужество.

– Тогда, Кристина, мне кажется, что над вами насмеются.

Она испустила крик и убежала. Он поспешил за ней, но услышал гневное:

– Оставьте меня! Оставьте!

Она скрылась, и Рауль вернулся на постоянный двор усталый, полный отчаяния и очень грустный.

Он узнал, что Кристина только что поднялась к себе и объявила, что не спустится к ужину.

– Не заболела ли она часом? – спросил юноша.

Хозяйка уклончиво отвечала, что, если она и больна, это не очень серьезно, и удалилась, пожимая плечами и жалея про себя молодых людей, которые растрачивают на пустые ссоры драгоценные часы, отведенные им господом богом на этой земле. Рауль ужинал один возле очага, и можете себе представить, что настроение у него было довольно мрачное. Потом в своей комнате он пробовал читать, затем лег в постель и попытался уснуть. Ни одного звука не доносилось из соседней спальни. Что делала Кристина? Спала ли она? А если не спала, о чем она думала? И о чем думал он? Вряд ли он мог бы сказать это. Разговор с Кристиной перевернул его душу. Он думал не столько о ней, сколько о том, что было вокруг нее, и это «вокруг» было настолько неясным, туманным и неуловимым, что он испытывал странное пугающее чувство.

Время будто остановилось: могло быть и одиннадцать часов ночи, и больше, когда он услышал отчетливые шаги в соседней комнате. Это были легкие, осторожные шаги. Неужели Кристина до сих пор не ложилась? Не отдавая себе отчета в своих действиях, юноша поспешно, стараясь не шуметь, оделся и стал чего-то ждать. Он сам не знал – чего. Его сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда он услышал, как медленно повернулась на петлях дверь Кристины. Куда направилась она в столь поздний час, когда весь Перрос спит? Он неслышно приоткрыл дверь и в лунном свете разглядел белую фигуру девушки, проскользнувшую в коридор. Она спустилась по лестнице; он перегнулся через перила и вдруг услышал внизу голоса, но уловил только одну фразу: «Не потеряйте ключ». Это был голос хозяйки. Потом открылась и снова закрылась входная дверь. И все стихло. Рауль быстро вернулся в свою комнату и открыл окно. На пустынной дороге маячила одинокая белая фигура.

Второй этаж находился невысоко, и по дереву, протянувшему ему свои ветви, Рауль легко спустился на землю. Каково же было удивление доброй хозяйки, когда на следующее утро в дом занесли почти обледенелого юношу, скорее мертвого, нежели живого, и когда она узнала, что его нашли лежавшим на ступенях алтаря церквушки Перроса. Хозяйка поспешила сообщить эту новость Кристине, та быстро спустилась вниз и оказала бедняге помощь; через минуту он пришел в себя, и его открытым глазам предстало прелестное лицо девушки.

Но что же произошло? Несколько недель спустя, когда драмой в Опере занялись всерьез, комиссар Мифруа беседовал с виконтом де Шаньи по поводу событий той ночи в Перросе, и вот что написано в следственном досье (материал № 150):

«Вопрос. Мадемуазель Даэ не видела, как вы спускались из своей комнаты таким странным путем?

Ответ. Нет, сударь, и еще раз нет. Однако я следовал за ней, даже не стараясь заглушить свои шаги. Я молил только об одном: чтобы она обернулась, заметила меня и узнала. Сейчас я понимаю, что вел себя недостойно, выслеживая ее. Но она, по-моему, вообще меня не слышала и не подозревала о моем присутствии. Она спокойно сошла с дороги, потом неожиданно стала подниматься на холм. Церковные часы пробили без четверти двенадцать, и мне показалось, что эти звуки подстегнули ее: она побежала не останавливаясь до самой двери церкви.

В. Дверь церкви была открыта?

О. Да, сударь, и это меня озадачило, но, кажется, совсем не удивило мадемуазель Даэ.

В. На кладбище никого не было?

О. Я никого не заметил. Я бы увидел, если бы кто-нибудь там был. Луна светила нестерпимо сильно, а снег делал ночь еще светлее.

В. Никто не мог прятаться за могилами?

О. Нет, сударь. Это небольшие надгробные плиты, скрытые под слоем снега, их почти не видно, только торчат кресты. А церковь прямо сияла от яркого света, какого я никогда раньше не видел. Было очень красиво, очень прозрачно и очень холодно. Я в первый раз ходил на кладбище ночью и не знал, что такое можно увидеть – какой-то невесомый и неестественный свет.

В. Вы суеверны?

О. Нет, я верующий.

В. В каком вы были состоянии?

О. Честное слово, я был совершенно здоров и совершенно спокоен, хотя, признаться, необычное поведение мадемуазель Даэ сначала меня озадачило, но как только я увидел, как она вошла на кладбище, я решил, что она просто хочет исполнить какой-то обет, помолившись на отцовской могиле, и нашел это вполне естественным. Я только удивился, что она не слышала моих шагов, хотя снег сильно скрипел под ногами. Но она, очевидно, была поглощена своими мыслями. Поэтому я не стал беспокоить ее, и, когда она подошла к могиле отца, я остановился в нескольких шагах. Она опустилась на колени прямо в снег, перекрестилась и начала молиться. В этот момент часы пробили полночь. Двенадцатый удар еще звенел у меня в ушах, как вдруг она подняла голову, устремила взгляд в небесный свод и простерла руки к звездам; мне показалось, что она в экстазе, и я сам поднял голову вверх. Тогда все мое существо будто устремилось к чему-то невидимому, и тут из этого невидимого пространства поднялась музыка. И какая музыка! Мы с Кристиной уже слышали ее в детстве. Но никогда на скрипке старого Даэ ее не исполняли с таким божественным совершенством. В эти минуты мне вдруг пришло на память то, что Кристина

рассказывала об ангеле музыки, и я действительно подумал, что если эти звуки не сошли с небес, тогда я ничего не понимаю – на земле они родиться не могли. Здесь нет такой скрипки и такой руки, которая могла бы водить по ней смычком. О, я помню эту чудную мелодию! Это было «Воскрешение Лазаря», которое старый Даэ играл нам в минуты печали и вдохновения. Если и существует ангел Кристины, он не смог бы сыграть лучше в ту ночь на скрипке покойного музыканта. Я словно услышал глас Христа и, клянусь, ждал, что вот-вот приподнимется надгробный камень на могиле отца Кристины. Потом я подумал, что Даэ похоронили вместе с его скрипкой, и, честное слово, я не понимаю до сих пор, что из происходящего в ту скорбную и сияющую ночь на крохотном провинциальном кладбище, рядом с мертвыми головами, которые скалились своими неподвижными черепами, было вызвано моим воображением, а что существовало независимо от него. Но музыка прекратилась, я пришел в себя, и мне показалось, что я услышал какой-то шум в куче черепов.

В. Ага! Значит, вы слышали шум в грудке костей?

О. Не то чтобы шум, но мне показалось, что черепа смеются, и я вздрогнул.

В. Вы не подумали, что за этой грудой мог спрятаться искусный музыкант, который очаровал вас?

О. Именно об этом я и подумал, господин комиссар, и даже забыл о существовании мадемуазель Даэ, которая тем временем поднялась и спокойно пошла к выходу с кладбища. Она была в таком состоянии, что даже не заметила меня. А я не мог пошевелиться и не спускал глаз с груды костей, решив до конца выяснить, что же все-таки там происходит.

В. А что было до того, как вас нашли утром полумертвого на ступеньках алтаря?

О. Все произошло очень быстро и неожиданно. К моим ногам скатился череп, за ним второй... третий... Как будто ко мне летели шары в какой-то загробной игре. Мне показалось, будто чье-то неосторожное движение разрушило пирамиду из костей, за которой скрывался таинственный музыкант. Тут я заметил тень, скользнувшую по сверкающей стене ризницы. Я бросился туда. Тень проскользнула в церковь. Я последовал за ней. Тень была в пальто! Я схватил ее за рукав. В этот момент мы были перед алтарем, и лунный свет через большой витраж апсиды падал прямо на нас. Тень оглянулась, и я увидел, господин

следователь, – вот как вижу сейчас вас, – я увидел ужасный череп, который смотрел на меня глазами, горящими адским огнем. Мне показалось, что передо мной сам Сатана, и при виде этого существа из загробного мира мое сердце не выдержало, и я больше ничего не помню; не помню, как оказался в своей комнате на постоялом дворе».

Глава VII

Посещение ложи № 5

Мы расстались с Ф. Ришаром и А. Моншарменом в тот момент, когда они решили нанести визит в первую ложу № 5.

Они спустились по широкой лестнице, которая ведет из директорской приемной к сцене и к ее помещениям; прошли через сцену, через вход для посетителей лож, потом, минуя первый коридор слева, вошли в зал. Между рядами кресел партера остановились и посмотрели оттуда на ложу № 5. Она была погружена в полумрак, виднелись только огромные чехлы, наброшенные на красный бархат перил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Скриб, Эжен (1791-1861) – французский драматург и либреттист.

2

Гревен (1827-1892) – художник-карикатурист.

3

«Король Лахора» – опера в 5 актах на музыку Ж. Массне и слова Луи Галле. Первая постановка была осуществлена в Парижской опере в 1877 г.

4

Согласно поверью, кусок веревки повешенного оберегает от дурного глаза.

5

Известных актрис называют не «мадам», а «мадемуазель», независимо от возраста и семейного положения.

6

Людовик Сварливый – Людовик X (1287-1316) – французский король (правил с 1313 по 1316 г.), сын Филиппа IV (Красивого) и Жанны Наваррской.

7

In petto – тихонько, тайком (итал.).

8

Прежние директора были едва с ними знакомы, но, войдя, рассыпались в таких искренних изъявлениях дружбы и были, в свою очередь, встречены такими пышными комплиментами, что те из гостей, которые опасались, что вечер пройдет скучно, мгновенно успокоились.

9

Giries (фр.) – неестественность, кривляние (арго).

10

Здесь и далее стихи из «Фауста» даны в переводе Б. Пастернака.

11

«Еврейка» – опера в 5 актах на музыку Ф. Галеви и слова Э. Скриба. Впервые поставлена в Опере в 1835 г.

Имеется в виду здание Парижской оперы, построенное архитектором Ш. Гарнье.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/gaston-leru/prizrak-opery-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)